

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ВНЕ СЕБЯ

Василий Головачев
Вне себя
Серия «Вне себя», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936675
Вне себя / Василий Головачев: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58162-7

Аннотация

Прохор Смирнов не ожидал попасть в ловушку так скоро. Но Охотники вычислили траекторию передвижения формонавта и смогли достать его даже здесь, на плесецком космодроме, закрытом военном объекте. Да, видно, с самого начала Прохор недооценил опасности своих «путешествий» по числомирам вселенской «матрешки» и возможностей тех, кто дорого бы дал за то, чтобы тайные знания, на которые почти случайно наткнулся математик, никогда не попали к человечеству. Что ж, предупрежден, значит, вооружен. Далее по пунктам: сбросить «хвост», добраться до своих, понять, что же за осиное гнездо он ненароком разворошил и что со всем этим теперь делать. Здесь и в иных мирах...

Содержание

Глава первая	5
Я – обезумевший...	5
Гости из бездн	18
«Матрёшка»	30
Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать	39
Число Смита	50
Ещё один шанс	75
Побег	81
Глава вторая	109
Давайте знакомиться	109
Пленница свободы	133
Я тебе верю	138
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Василий Головачев

Вне себя

Я – обезумевший в саду предвечных числ.
Э. Верхарн

Конец света заключён в нас самих.
Ч. Айтматов

*Довольно сказать, что в ту пору во внутренних
областях Венгрии тайно, но упорно верили
в переселение душ.*
Э. По. Метценгерштейн

*Этот мир, – он на ваши похож,
Но один только я в него вхож.*
М. Немченко. «Закатное»

Глава первая

Одиннадцатый

Я – обезумевший...

Добраться до космодрома в Плесецке оказалось легче, чем выбраться с его территории.

Ничего не предвещало беды, когда Прохор появился на космодроме в составе комплексной исследовательской группы Министерства обороны и Академии наук, однако стоило ему встретить взгляд бригадира пусконаладочной бригады первого пускового центра (из шести существующих) для испытаний ракетно-космических аппаратов лёгкого класса, куда прибыла группа, как он сразу понял, что его **нашли**.

– Рад вас видеть, – сказал бригадир по фамилии Шепотинник, обращаясь почему-то лично к Прохору, – мы уже заждались.

Члены группы, состоящей из титулованных инженеров и учёных, приняли его приветствие как стандартную формулу знакомства, но Прохор уловил в словах Шепотинника некий ёрнический подтекст и начал соображать, что делать в этой ситуации. Ждать его могли разве что Охотники, вы-

числившие траекторию передвижения формонавта, а встреча с ними не сулила ничего хорошего.

На самом деле он не знал, кем они себя именовали: название Охотники Прохор придумал сам в соответствии со своими впечатлениями и умозаключениями. Главное, что они охотились за ним, зная его способности переходить из мира одной формы в мир другой. Остальное не имело значения.

В двенадцать поехали смотреть на ракету, покрытую новейшим материалом руствелсом, делавшим её почти невидимой для радаров вероятного противника.

Основные характеристики руствелса рассчитывал Прохор, что и делало его героем дня: плёнка-«невидимка» действительно поглощала и преобразовывала отражённый сигнал радара таким образом, что объект исчезал из поля зрения зенитно-ракетных систем.

До разработки руствелса Прохор рассчитывал не менее экзотические вещи, необходимые промышленности и обществу, в том числе суперлипучки-геккоиды, сверхтвёрдую и вязкую одновременно броню, сверхскользящий «абсолютный лёд», феррофлюиды, и везде находил новые революционные решения. Поэтому люди, понимающие толк в таких вещах, проявляли к нему интерес и уважение.

И пригласили его на космодром больше из этого уважения, чем из необходимости: математикам у рассчитанных ими ракет делать было нечего.

Обошли пусковой стол номер один.

Прохор то и дело ловил на себе взгляды бригадира наладчиков и всё никак не мог найти вариант действия, позволявшего ему избежать прямого контакта с Охотником, вселившимся в личность Шепотинника. Решение пришло неожиданно, когда один из членов группы, технолог Центра Почиковский, пожаловался на резь в животе.

– Съел, наверно, что-то, – признался он виновато, кривя гладкое, без единой морщинки лицо, – в самолёте.

– И меня мутит, – подхватил Прохор, прижимая руку к животу. – Неужели траванулись самолётной кухней? Вы что ели?

– Рыбу...

– И я тоже!

– Чёрт, не вовремя, – поморщился завлаб из «Осколково», профессор Чудинов, он же – непосредственный начальник Прохора. – Нам через час предстоит беседа с конструкторами ракеты.

Прохор постарался сделать лицо мученика.

– Болит, зараза!

– Не хватало приступа на ПУ, – проворчал главный энергетик группы. – А если они получают какой-нибудь заворот кишок? Аптечка не поможет.

– Ладно, сейчас вызову местных эскулапов, – вздохнул Чудинов.

Почиковского и Прохора оставили в гостинице Плесеца на попечение штатного врача комплекса, и группа снова от-

правилась на космодром.

Больных препроводили в амбулаторную комнату гостиницы.

Поскольку Почиковский не симулировал недомогание, врач по подсказке Прохора занялся сначала им. Сам же Прохор сделал вид, что изучает схему космодрома, выданную ноутом нового поколения, с объёмным экраном и виртуальной клавиатурой.

Разумеется, историю Плесецка он знал, так как специально готовился к поездке. Ему и в самом деле было интересно взглянуть на третий по величине и пропускной способности российский космопорт, после Байконура и «Восточного», запустившего первые корабли ещё в две тысячи шестнадцатом году. Но Плесецк отличался от них тем, что запускал в космос, во-первых, лёгкие ракеты со спутниками разных модификаций, а во-вторых, имел специальные пусковые установки для экспериментальных аппаратов, в том числе военного назначения.

С него стартовали и многократно проверенные «Рокоты», и «Циклоны», и «Союзы», и недавно проявившие себя модули многоразового использования под названием «Гипербореи». В 2030 году Россия продолжала лидировать по количеству космических запусков и самостоятельно создала марсианский корабль «Русь-Арес», совершивший полёт в 2025 году.

В настоящий момент – Прохору выдали полный пакет ин-

формации по запускам – «Русь-Арес» готовился к очередному полёту к Марсу, но стартовать он должен был с космодрома «Восточный», расположенного в Амурской губернии.

Плесецкий же космодром перешёл на автоматы.

Ракета «Север» класса «лунник» должна была взлететь уже на следующий день, двадцать второго мая, аккуратно в день святого Николы Угодника.

– Похоже на отравление некачественным продуктом, – сказал врач, осмотрев технолога в присутствии Прохора. – Можем сделать промывание желудка.

– Не надо! – испугался вихрастый Почиковский, зелёный больше от переживаний, чем от недомогания. – Таблетками обойдусь.

– Самое простое при отравлении – заглотать пол-литра слабого раствора марганцовки и вырвать. Потом сделать капельницу и деинтоксикационную блокаду.

– Таблетки есть какие-нибудь?

– Я бы посоветовал фуразолидон, что-нибудь ферментотонное, например фестал, но опять же лучше сначала сдать анализы. Надо ехать в стационар.

– Некогда мне сдавать анализы, давайте марганцовку. И фестал.

Врач с сомнением посмотрел на технолога, но перечить не стал. Сделал розовенький раствор марганцевокислого калия, дал больному.

– В туалет. – Обернулся к Прохору: – Теперь займёмся

вами.

Проход закрыл ноут, начал было жаловаться на тошноту, однако врач оказался опытным специалистом и занялся своим делом, не обращая внимания на жалобы пациента.

Проход понял, что его сейчас разоблачат, усилием воли поднял давление с нормальных 120/80 до 200/40.

Врач посчитал пульс, померил давление, озабоченно сдвинул брови.

– Батенька мой, вам надо немедленно на обследование. Это не отравление.

– А что? – робко спросил Проход.

– Сердце шалит. Инфаркты были?

– Не было.

– В первый раз такое давление?

– Ну, иногда случалось, адедьфан пил...

– Спортм занимаетесь?

– В футбол поигрываю.

– Странно, выглядите вполне здоровым, а сердце ни к чёрту. Я сделаю вам укол бикардина и папаверина с платифиллином. Давление мы снимем, но вам всё равно придётся идти к врачу.

– Понял, пойду, конечно.

Из туалета донеслись характерные звуки, затем ругань: Почиковского вырвало.

Врач налил ещё один стакан раствора марганцовки, отнёс в туалет, вернулся, сделал укол Проходу в предплечье.

– Вот мой телефон, звоните, если что.

По руке разлилось тепло.

Пытаясь мысленно-волевым усилием нейтрализовать действие введённого препарата, Прохор направился к выходу из амбулаторного кабинета, но вернулся.

– Справку дадите?

– Какую справку? – не понял врач.

– Начальство у меня строгое, нужно будет объясняться.

– А-а... напишу диагноз, если хотите.

Врач достал бланк, сделал запись, подал Прохору.

– Этого хватит?

– Спасибо, я надеюсь.

Из туалетной комнаты вывалился бледный Почиковский, вытирая рот салфеткой.

– Какая гадость эта ваша заливная рыба! Как дела, коллега?

– Сердце, – уныло развёл руками Прохор. – Придётся полежать.

Взгляд специалиста из Центра ему не понравился.

Буквально минуту назад этот человек казался совершенно больным, неспособным работать и думать о чём-либо кроме боли в животе, но вышел слишком энергично, глаза его заблестели, и означало это одно: в него вселили Охотника!

Прохора обложили! А помочь ему мог только он сам, потому что друг Дан Саблин, спец по выживанию и тренер Прохора, находился в данный момент в Суздале.

«Бежать! — мелькнула торопливая мысль. — Как можно дальше отсюда! Пока есть возможность списать всё на сердечный приступ».

В номере он побросал в сумку бритву, принадлежности для чистки зубов, уложил рубашки и треники, хотел закрыть сумку и вовремя остановился, обострившимся слухом уловив приближающиеся к номеру шаги. Раскрыл сумку, прислушиваясь.

В дверь постучали.

Он вывалил из сумки вещи, взялся за живот, открыл дверь.

На него смотрел Почиковский, кривя губы.

— Как вы?

— Плохо, — прохрипел Прохор, — разложу вещи и лягу. Скорее всего, придётся лечь в больницу.

Почиковский бросил взгляд на кровать в номере, по которой были разбросаны вещи Смирнова, кивнул.

— Буду у себя, стучите в стену, если станет хуже.

Дверь закрылась.

Прохор прислушался к звукам в коридоре, быстро собрал сумку, бесшумно открыл дверь и, не закрывая, чтобы не щёлкнул замок, проследовал по ковровой дорожке к лестничному пролёту. Почиковский убедился, что он серьёзно болен, и какое-то время будет уверен, что сосед находится в гостинице. Этим надо было воспользоваться.

— Мне бы на вокзал, — робко сказал Прохор администра-

тору, протягивая ключ от номера.

Вот тут он и узнал, что выехать с территории Мирного, центра Плесецкого космодрома, очень непросто, несмотря на то что город перестал подчиняться военным. Лишь после того как он показал выписку врача и сослался на больное сердце, ему удалось уговорить гостиничное начальство дать машину, чтобы доехать до железнодорожного вокзала.

Оттуда он позвонил Чудинову:

– Марк Сергеевич, у меня сердце прихватило, врач сделал укол и велел немедленно ложиться в больницу на обследование.

– Этого нам не хватало, – расстроился заведующий лабораторией метаматериалов. – Завтра пуск.

– Врач требует...

– Да понял я, чего могу сказать.

– Справитесь без меня, я всего лишь математик.

– Ты без пяти минут мой зам. Ну, лежи, через пару часов вернусь и навещу.

Прохор хотел сказать, что возвращается в Суздаль, но прикусил язык.

Бригадир Шепотинник наверняка спросит у профессора, где его сотрудник, и когда тот ответит, что Смирнов лежит с сердечным приступом, тревогу поднимать не станет. У беглеца был небольшой люфт во времени, чтобы оторваться от преследователей, и надо было этот люфт использовать с умом.

Но в поезде Прохор не поехал, заметив в зале двух молодых полицейских, присматривавшихся к пассажирам.

Было ясно, что Охотники постепенно затягивают петлю на его шее, и единственным способом избавиться от них было немедленное бегство из города. Оставалась надежда, что носители программ Охотников не имеют свободы передвижения как обычные люди, которые жили по своим законам и решали свои задачи, поэтому Охотники вынуждены будут искать новых носителей из числа людей, знающих Прохора Смирнова.

На автостанции ему повезло: один из водителей маршрутного такси, собиравшийся сдавать смену, согласился подвезти мужчину в летнем джинсовом костюме до ближайшего посёлка на трассе Мирный – Архангельск, и через час Прохор вышел из маршрутки на остановке с указателем «Дворики».

Маршрутка уехала.

Прохор позвонил Саблину, объяснил ситуацию.

– Я тебя заберу к вечеру, – пообещал Данимир. – Сможешь там где-нибудь перекантоваться?

Прохор оглядел домики посёлка Дворики, но выбирать было не из чего, и он ответил как можно уверенней:

– Попробую.

– Созвонимся. – Голос Саблина пропал.

Как он собирался добираться до Плесеца из Суздаля, было непонятно, однако если друг обещал, то всегда выполнял

обещанное.

Прохор вздохнул и двинулся искать приют до вечера.

Вопреки сомнениям его впустили в первый же дом, стоящий на краю посёлка, на опушке леса, в дверь которого он постучал.

Владельцами оказались милые старики, возившиеся на приусадебном участке, на котором умещались огород и небольшой сад.

Спрашивать у гостя, кто он такой и почему решил навестить Дворики, они не стали.

– А заходи и располагайся, мил-человек, – густым басом сказал кряжистый, седой, с простым русским лицом хозяин дома; звали его Никитой Ивановичем. – Мы-то уже поели, но стол накроем.

– Мне бы чайку, – стеснённо сказал Прохор. – А если позволите, я побуду у вас до вечера.

– Да хоть и до утра, – пожал вислыми плечами Никита Иванович, провожая нежданного гостя в дом, возраст которого явно перевалил за сто лет.

Прохору показали двор, провели в комнатку с настоящим деревянным топчаном: «Можешь прилечь, мил-человек», напоили чаем с ежевичным вареньем и вернулись к своим делам. А он, поклонявшись по дому, вдруг решил поискать пристанище и в мирах с другими Ф-превалитетами, как он называл слои Вселенской «матрёшки». В некоторых из них он уже давно стал «своим».

Впрочем, потому за ним и двинулись Охотники, выполняя приказ своих властителей нейтрализовать человека, осознавшего **суть** Числа и Формы как предпосылку Бытия, интуитивно разработавшего универсальный алгоритм перехода число – форма и ставшего формонавтом – путешественником по «оболочкам матрёшки», проникающим друг в друга.

Его предупредили, когда он впервые вышел за пределы своего Ф-одиннадцатого мира и испытал шок, узнав, что Вселенная устроена гораздо сложнее, чем он думал, и подчиняется базовым числам и геометрическим формам. Но Прохор тогда не понял, что он – угроза существованию «Ада» – Мира Бездн, по большей части иллюзорного и даже виртуального, а когда понял, было уже поздно: за ним началась охота.

Убедившись, что хозяева копаются в огороде, он поудобней улёгся на топчане, сняв туфли, и принялся созерцать эргион, помогающий сосредоточиваться на **переходе**.

Эргион – объёмный информационно-энергетический модуль размером с кулак, представлял собой «гроздь» многогранников один внутри другого: одиннадцатигранник внутри гептаэдра, тот внутри куба, куб внутри декаэдра, и так далее. Но просто красивой геометрической безделицей он не был, на самом деле гармонизируя все виды полевых структур вокруг себя, а также магнитных и торсионных полей с биополем человека, и позволял почти без усилий погру-

жаться в транс и выходить за пределы трёхмерия в организованные другими базовыми числоформами пространства.

Перед глазами соткалось из света лицо Юстины, нежное и в то же время решительное: губы девушки улыбались, глаза смотрели прямо, дерзко и уверенно.

Прохор зажмурился, произнося её имя.

По сути, именно из-за неё он и стал формонавтом, решив найти тот Ф-мир, где бы девушка любила его, ну, или хотя бы того, кто в той реальности был носителем личности Прохора Смирнова. Однако до сих пор подобное сочетание обстоятельств ему не встретилось, а ведь он опускался и до глубинных Ф-превалитетов, где законы физики подчинялись четырём-, пяти- и шестизначным числам.

– Юстя...

Эргион под рукой «мурлыкнул» и стал горячим.

Сознание вылетело из тела, устремилось в иные дали...

Гости из бездн

Плесецкий космодром располагался на холмистой равнине, поросшей перелесками и кустарником. Пусковые установки для старта ракет органически вписывались в этот пейзаж и не портили его, несмотря на всю феерическую технологичность гигантских сооружений. Мало того, в ясный солнечный день они становились яркими, светящимися, ажурно-космическими, и немало гостей космодрома невольно задерживали дыхание, рассматривая стоящие то тут, то там фермы и серебристые стрелы ракет, чтобы потом восхищённо цокнуть языком: феноменально!

Однако бригадиру пусконаладочной бригады первого стартового комплекса Шепотиннику было не до созерцания местных пейзажей. Встретив у капонира управления группу учёных из «Осколково», причастных к запуску военного модуля «Сюрприз», он отвёл в сторону руководителя группы профессора Чудинова:

– Вас должно быть семеро, а я вижу пятерых.

– Почиковский и Смирнов отравились чем-то, – развёл руками бородатый благообразный Чудинов. – Остались в гостинице, им вызвали врача.

– Вы с ума сошли?! – Шепотинник, сухой, жилистый, носатый, потерял дар речи. – Кто вам позволил оставить Смирнова одного?!

– Он отравился... позвонил недавно... сердце прихватило.

– Какое сердце?! По моим данным, он здоров как бык! Зря мы, что ли, напрягались, чтобы его сюда вызывать? На кой ляд нужен математик на старте?! Чтобы полюбоваться запуском?!

– Ну, я подумал, мы всегда его сможем... – забормотал Чудинов, бледнея.

– Он догадался, парень не дурак! Ладно, идите к своим. – Шепотинник отошёл, взялся за мобильный айфон. – Леопольд Леонидович, где Смирнов?

– У себя в номере, – ответил тенорок Почиковского. Я к нему заходил, собирается ложиться в больницу. Врач чуть ли не инфаркт у него обнаружил.

– Какой инфаркт! Он провёл вас с профессором, как сопливых пацанов! Следи за ним, я скоро подъеду. Вздумает выйти из номера – звони!

Группа спустилась в бункер.

Запуск нового ракетного модуля «Сюрприз» был важен не только для лабораторий Центра «Осколково», но и для других ведомств, разработавших для него компьютерное обеспечение и ряд приборов, поэтому от удачного запуска ракеты ждали многого.

В бункере собрались два десятка человек. Трём-четырёх из них удалось пристроиться за пультами управления перед объёмными дисплеями, остальные сгруппировались за дву-

мя линиями аппаратных стоек и, беседуя, посматривали на большой трёхметровый экран, казавшийся огромным окном в стене помещения, открытым в сторону стартовой позиции.

Шепотинник подозвал помощника:

– Сергеич, после тестового контроля заведи бодягу часа на полтора, расскажи пару историй.

– А ты? – задал вопрос флегматичный помощник.

– Меня вызвали секретчики, что-то их беспокоит.

– Хорошо, сделаем.

Бригадир, одетый в спецкомбинезон, как и остальные работники космодрома, вылез из бункера, снова взялся за телефон.

– Что у тебя?

– Всё тихо, – ответил Почиковский. – Поторопись, а то худо мне, носитель, этот бездарь-технолог, и в самом деле мается животом, сижу в туалете.

– Скоро буду.

Шепотинник вызвал электрокар, добрался до пропускного пункта и пересел в новенькую «Мазду», которая домчала его до центра Мирного за полчаса.

У гостиницы его встретил суетливый, прячущий глаза Почиковский.

– Он исчез!

Шепотинник раздул ноздри выдающегося носа.

– Что за шутки? Как это исчез?! Ты же говорил, что он

слёг с сердечным приступом.

В ставших чёрными и блестящими глазах технолога всплыли злобные огоньки.

– Надо было подыскать мне другого носителя, тогда я бы его не упустил.

– Офигеешь с вами! – Бригадир оскалился. – Подробно-сти!

– Идиот-администратор сжалился, не стал запрашивать службу безопасности, дал ему машину.

– Куда?

– Уверяет, что постоялец направился на жд-вокзал.

Шепотинник поднёс мобильный к уху:

– Тимошенко, на вокзал! Ищи Смирнова!

Почиковский, нервно теребивший край воротника рубашки, схватился за живот.

– Проклятье! Мне надо в туалет.

– Потерпишь.

– Не могу, мне потом так и ходить обосранным?

– Беги, – брезгливо махнул рукой Шепотинник.

В настоящий момент обоими владели Охотники, внедрившиеся в сознание людей и управлявшие их действиями, но при этом тела носителей оставались человеческими и подчинялись всему психофизическому и физиологическому наследию людей.

Шепотинник зашёл в гостиницу, поговорил с администратором, связался с третьим членом группы преследователей,

вселившимся в начальника УВД Плесеца.

– Как успехи, полковник?

– Пока ноль, – ответил Тимошенко. – На вокзале его нет.

– Уехал?

– За это время прошёл только один поезд на Архангельск,

в него он не сел, это точно.

– Объявите госрозыск.

– Делается всё, что надо.

– Обыщите автовокзал, аэропорт, выездные дороги.

– Сам знаю.

Шепотинник пожевал губами, раздумывая, какое распоряжение дать ещё, но не придумал и выключил айфон.

В холл гостиницы спустился Почиковский, кусая губы.

– Зря меня втиснули в это тело, лучше бы в собаку... или в женщину.

– Почему в женщину? – не понял Шепотинник.

– Они более выносливы.

– Глубокое замечание.

– Но это верное суждение, существует даже общественное мнение на этот счёт.

– Общественное мнение ещё не статистика. Хотя я доложу Глыбе.

– Что будем делать?

– Ждать. Здесь есть кафе, пошли посидим, попьём кофейку, у нас такого нет.

Они направились в кафе гостиницы.

Однако ни через полчаса, ни через час от главы полиции города ничего существенного не поступило.

Прохора Смирнова, математика из научного Центра «Осколково», приехавшего из Суздаля в составе делегации инженеров и учёных для эксперимента с новым космическим модулем, найти нигде не удалось. Его не было на железнодорожном вокзале, не было на автовокзале и не оказалось в аэропорту Плесецка. Куда он делся после ухода из гостиницы, можно было только гадать.

– Видимо, у него здесь есть знакомые, – предположил полковник Тимошенко. – Он и остановился у них.

– Ищите, – угрюмо посоветовал ему Шепотинник.

– Что теперь? – приуныл Почиковский.

– Возвращаемся, – буркнул бригадир.

– Нас тут же перемодулируют. Засада была рассчитана плохо.

– Засада была рассчитана хорошо, а вот вы, господин Почиковский, сработали плохо. Вас, скорее всего, и перемодулируют.

– Доложи, что я старался. А времени было мало.

– Пардон, коллега, как тут говорят: своя рубашка ближе к телу. Каждому воздастся по заслугам.

Почиковский бледно улыбнулся.

– Если удастся сохранить личину, я его зубами загрызу в Суздале.

– В Суздаль ещё попасть надо, там у него куча защитни-

ков. Мы уже почти два оборота не можем к нему подобрать-ся. Всё, переходим.

Шепотинник и Почиковский, сидевшие за столиком у окна кафе, застыли. Глаза их на какое-то время стали прозрачными, бессмысленными, **пустыми**. Потом прояснились. Оба вздрогнули, начали с недоумением и растерянностью оглядываться.

– Какого рожна?! – проговорил Шепотинник ошеломлённо. – Шо я тут делаю?!

– Ничего не понимаю, – пробормотал, заикаясь, Почиковский. – Я же был в медпункте... у меня с животом проблема... Уже полпервого, мы должны быть в ЦУПе...

Шепотинник подскочил, меняясь в лице.

– Шоб я вмер! Через полчаса тестирование систем запуска! А мы тут прохлаждаемся! Живо в машину!

Оба заторопились к выходу, провожаемые удивлёнными взглядами посетителей кафе. Что с ними приключилось, почему они оказались далеко от космодромного комплекса, никто из них так и не понял.

В этот момент в большом зале со светящимся потолком и дымно-пульсирующими стенами, расположенном в недрах гигантского астероида, который плыл среди таких же каменно-металлических глыб вокруг Солнца, далеко за орбитами всех планет Солнечной системы, произошло событие.

В центре зала соткалось из световых лучей и тумана прозрачное кольцо, обросло деталями, превратившими

его в сложное чешуйчато-решётчатое сооружение, похожее на кресло со множеством нависающих над ним гофрированных шлангов и ажурных яиц на усиках. Кресло опоясала наклонная полоса из голубоватого стекла с мигающими в глубине огнями и окошками. И вся эта конструкция окончательно стала походить на гипертрофированно-усложнённый модуль управления каким-то производством.

Через несколько мгновений после образования модуля вокруг него из пола стали бесшумно вырастать круглые прозрачные колонны, внутри которых проявились смазанные расплывчатые фигуры, не имеющие чётких форм. Колонны заполнили весь зал, превратив его в своеобразный геометрический стеклянный лес.

Ещё через несколько мгновений в кресле протаял из воздуха угрюмый гигант в сложном комбинезоне, напоминающий воина в доспехах и одновременно огромное насекомое, исполненное угрозы.

Гигант наклонился вперёд над «пультом», вытянул вперёд суставчато-чешуйчатые лапы, и полоса «пульта» потекла вокруг кресла струёй воды, из которой выныривали одна за другой светящиеся «рыбки» необычных очертаний.

Одна из них развернулась удивительной геометрической фигурой, в которой угадывались разнообразные многоугольники и многогранники. Люди назвали бы эту фигуру изображением **Плеромы**¹.

¹ Божественная полнота, термин греческой философии.

И тотчас же внутри двух ближайших к креслу колонн проступили очертания двух существ, отдалённо напоминающих ящериц, стоящих на задних лапах.

Впрочем, любой другой человек, случайно оказавшийся в этом месте, видел бы что-то иное, соответствующее своему опыту и воображению. Разве что попасть в данный ППК – пункт пограничного контроля – мог далеко не каждый. По меркам нынешних представлений о протяжённости космических расстояний, Землю и ППК разделяли сотни миллиардов километров плюс тысячи слоёв-оболочек «матрёшечной» Вселенной. Потому что пункт контроля располагался не только физически – на окраине Солнечной системы, но и трансцендентально – в слое, сформированном числом 142857^2 . Только этот слой и мог стать базой для материализованного узла ППК среди других «исчезающих-возникающих» пространств.

В тишине зала родилась странная мелодия, пронизанная скачущими, как железные шарики по каменным плитам, звуками и громоуханием.

Это был голос Глыбы – иерарха контроля, имеющего официальный статус Передающего Приказы. Речь, произнесённую им, можно было перевести как вопрос:

– Почему вы вернулись?

² Так называемое циклическое число; при умножении его на числа от 1 до 6 получается произведение, записанное теми же цифрами, переставляемыми в циклическом порядке.

Ящерицы изменили форму, стали больше похожими на столбики дыма с ощутимо массивными мордами земных варанов.

Раздалась очередь щёлкающих звуков, словно где-то под полом помещения застучали кастаньеты.

– Он разгадал замысел, – заявил первый «варан»; это был Охотник, внедрившийся какое-то время назад в личность бригадира Шепотинника в Плесецке.

– Владыки будут недовольны, – «кинул шарики» звуков Передающий Приказы. – Фигурант перехода Прохор Смирнов способен поколебать равновесие структур нижнего уровня.

– Не уверен. Если бы он был способен...

– Он просто не знает своих возможностей.

– Мы делаем всё от нас зависящее.

– Не всё. Мы дали вам координаты, подобрали носителей, создали вектор намерений, определили характер ловушек, но вы не справились.

– Для захвата фигуранта нужны ещё носители, четверых мало. Нужен программный фактор, постоянно наблюдающий за фигурантом, необходимо организовать просачивание Охотников в его город.

– Мы уже засылали команду в Суздаль, её нейтрализовали.

– Поэтому и нужен наблюдатель.

– Хорошо, я передам Владыкам твоё предложение,

Первый-Первый-Первый. Но твой напарник Второй-Второй-Второй не подготовлен должным образом, его надо перемодулировать.

«Варан» покрупней покосился на соседа.

– Он осознаёт свой уровень. Готов помочь ему. Но решение за вами.

«Рыцарь» в кресле загремел всеми своими «бляхами», «медальонами», усеивавшими всё тело, «вскипел» десятком чешуйчатых отростков, тут же убравшихся обратно в тело.

– Где вы потеряли Смирнова?

– Уверен, он ещё вблизи космодрома, – торопливо заговорил второй «варан», – я его чувствую. Ну, или близко от города. Разрешите продолжить поиск?

– Вы его уже упустили.

– Найдём!

– У него есть модуль перехода, отыщите и уничтожьте!

– Будет исполнено!

Передающий Приказы вырастил себе ещё две лапы, принявшиеся передвигать возникающие перед ним призрачные фигуры, символы и картинки.

– У вас четыре хронго... сутки – по времени одиннадцатого формофайла.

– Если он уехал в...

– Приказы не обсуждают!

Оба «варана» превратились в жгуты дыма, восстановились, вытянулись по стойке «смирно», прижав правые лапы

к хищным мордам, вытянули вперёд левые лапы.

Из пола выросли бутончики света, превратились в конгломераты пронизывающих друг друга геометрических фигур, всосались им в лапы, и «вараны» исчезли.

Гигант «в латах» повертел жуткой бронированной головой, выискивая среди прозрачных цилиндров нужный, поднял все четыре лапы над «пультом»...

А едущие в «Мазде» бригадир Шепотинник и технолог Почиковский внезапно замерли, будто у них случился сердечный приступ, затем глаза их прояснились, и они обменялись понимающими взглядами.

– Долг верну, – раздвинул губы в кривой улыбке вихрастый технолог. – В ближайшее время.

– Надеюсь, – буркнул бригадир, дотронулся до локтя водителя. – Поворачивай обратно в город, Геннадий.

«Мазда» круто развернулась.

«Матрёшка»

Его можно было бы назвать эф-дайвером, то есть ныряльщиком в глубины бесконечного «океана» геометрических форм, являвшихся базой и мерой слоёв многомерной Вселенной.

С тех пор как Прохор научился погружаться в транс и объёмно соединять геометрические фигуры и цифры в знаково-семантические единицы для перехода к четырёхмерному структурно-композиционному восприятию, организовывать формоалгоритмический процесс обработки информации, он перестал удивляться происходящим вокруг переменам.

Сознание устремлялось сквозь формологические барьеры между слоями «матрёшечной» Мультивселенной и переходило в глубины психики родственного носителя, по сути – его же самого как личности – Прохора Смирнова, чья трансперсональная линия пронизывала все слои «матрёшки».

Началось всё с увлечения формологией, под которой он понимал науку о принципах проявления единого универсального кода Мироздания и человека. Формология занималась исследованием влияния геометрических форм и композиций на пространство-время, и Прохору как математику легко давались все структурные расчёты.

Вскоре он на основе анализа смысловесущих форм информации получил возможность использовать базовые энер-

гоинформационные формологические технологии организации мышления и корректировать основные жизненно важные событийные программы.

Затем пришло понимание того, как можно приводить сознание в состояние **потока**, проникающего в суть числа и формы.

Следующим шагом стало расширение спектра своих потенциальных возможностей. Прохор впервые в жизни погрузился в спектр числоформ и осознал, что такое комбинация «мысль – воля – решение».

Наконец, был создан **эргион** – объёмный геометрический модуль перехода «число – форма», способствующий подчинять глубокую энергетику организма. Начинал Прохор с моделей точных копий ракет и кораблей, затем начал создавать инфобиотоны – ажурные многогранники и их комбинации, играющие роль геометрических усилителей психофизических способностей, но эргион дал ему гораздо больше – возможность путешествовать по цифровой «матрёшечной» Вселенной, и, когда он впервые вышел в соседний слой «матрёшки», не покидая ни кресла, ни дома, ни города и вообще Земли, Прохор испытал сильнейшее потрясение, изменившее всю его дальнейшую жизнь.

Через полгода он уже спокойно, не испытывая шока, переходил из одного «измерения» в другое, находя своих «родичей» – Смирновых (изредка фамилии менялись, но смысл слов – генетическая трансперсональная линия – сохранял-

ся), и мог наблюдать, как живут Прохоры в «соседних» числоформных слоях Мироздания.

Родился и жил он в Ф-превалитете, сформированном числом 11 и геометрией тетраэдра и додекаэдра. Поэтому архитектура строений его родного Суздаля, равно как и архитектоника всех земных сооружений, подчинялась стилю, который западные историки с конца XIV века называли **мануелином**.

Конечно, русские зодчие привнесли в архитектуру своё видение мира – шатровое, теремное, **песенное**, но общие концепции готики сохранили и они.

В соседних слоях «матрёшки» действовали почти те же законы, но – слегка изменённые соответственно цифровой базе, отчего Прохора иногда изумляло то или иное открытие, связанное с поведением людей (в его реальности отсутствовала так называемая «шнобелевская» премия, и когда он узнал о её существовании – долго смеялся) либо с отсутствием каких-либо нужных технических устройств.

К примеру, в «десятом измерении», где основы бытия формировали число 10 и декаэдр, царила полная гармония, включая сферу человеческих отношений. В то время как число 11 было амбивалентным, отрицающим, по сути, абсолютное совершенство десятки, что порождало двойственность в использовании силы и как следствие приводило либо к очистительным духовным процессам, либо к разрушению порядка, к хаосу.

В девятом Ф-превалитете «командовала парадом» цифра девять, обозначающая совершенствование идеи и зарождение живого существа – ребёнка, а формы пространственной организации вырастали из трансцендентной сути многогранника, имеющего девять граней (число 9 представляло собой «программу» солнечного делания, несущего законченность и совершенство): восемь восьмиугольников (равновесие форм) и один шестиугольник, обозначающий начало творения и взаимопроникновения.

В «десятке» Прохор Смирнов был изобретателем, а работал инженером в виртуальном конструкторском бюро, в «девятке» у него была фамилия Шаталов, и работал он тоже в КБ, но с «атомным уклоном»: рассчитывал варианты термоядерных реакторов типа «Толькомак».

За два месяца блужданий по «матрёшке» Прохор посетил почти два десятка «измерений» (он называл их Ф-превалитетами, хотя «по сути» это и в самом деле были измерения, так как их свойства порождались цифрами), и везде его появление вызывало шок у Прохоров, вдруг обнаруживающих внутри себя «божественный глас». Два из них даже обращались к врачам, после чего он надолго оставил свои походы в недра психик «родичей», пока не научился внедряться в них, не задевая сознания.

Однако совсем завязать с путешествиями по «цифровым» реальностям он не смог. Желание найти девушку, похожую на Юстину, а главное – любящую его, у Прохора не прохо-

дило.

Нырнув в «матрёшку» в доме гостеприимного Никиты Ивановича, Прохор сначала пошёл привычной дорогой, шагая по мирам с шагом в единицу.

В двенадцатом Ф-превалитете его «родич» Прохор Смирнов мирно спал.

В тринадцатом – обедал в ресторане с нешумной компанией сослуживцев.

В четырнадцатом за ним гнались на бронемашине, и Прохор, испытав тоскливое чувство разочарования и неуверенности, сбежал в семнадцатый Ф-превалитет. Число семнадцать считалось дающим надежду, способствующим заглянуть в будущее, а её формообразующим модулем был гептаэдр – символ мужчины, выражающий свою истинную природу в единении Духа и Материи.

Но и там у Прохора Смирницкого (такую фамилию он здесь носил) появились проблемы, жена ушла от него, он запил, а переживать смутные движения души пьяного «родича» Прохору «внешнему» не хотелось.

Тогда он и ринулся вниз по числам, перескакивая десятки и сотни, пока не остановился в Ф-превалитете, образованном числом 495.

Это число называлось постоянной Капрекара³ и порождало квазистационарную пространственную структуру, поз-

³ Д. Р. Капрекар, индийский математик, рассчитал постоянную, названную «самопорождённым числом»; число 495 – одно из них.

волявшую не опасаться колебаний эфира «нижних» слоёв «матрёшки».

Носитель Я-личности Прохора в этом странном мире остался Прохором (не считая слегка изменённой фамилии – Смирноватый) и был очень похож на Прохора «внешнего». Всё остальное отличалось от того, что знал и видел Прохор в своей жизни.

Прохор Смирноватый из узла Капрекара 495 жил в Суздале, но работал сторожем зиндана – местного изолятора для мечтающих о свободе, что весьма озадачило формонавта. В его 11-узле подобное было абсолютно невозможно.

В родном мире Прохора, сформированном под влиянием числа 11, которое «отрицало совершенное число 10», проявляя антагонизм, дуальность Мироздания, единство и борьбу противоположностей, революционное поправление всей законности, он мог свободно передвигаться по всей Земле, так как человечество в 2030 году отменило границы и визы.

В мире Капрекара-495 все страны «забаррикадировались» за политическими, а иные – за физически материализованными стенами, не доверяя друг другу ни на грош, поскольку миром управляла Партия Тотального Пиратства и ни о каком равенстве или свободе речь не шла.

Вынырнув в глубинах психики носителя имени Прохор, Прохор «внешний» не стал тревожить сознание «родича», чтобы не отвлекаться на «шизоидные» переговоры человека с самим собой. Для начала он затаился в психике Прохо-

ра Смирноватого и огляделся, постигая особенности мира, в котором царила власть «самопорождённого» числа 495, через память и системы видения «родича».

Формообразующими фигурами в этом мире были тетраэдр, девятигранник и пентаэдр, что отражалось не только на архитектуре городов, но и на архитектонике всей природы.

Проявленная трёхзначной постоянной Капрекара реальность произвела на беглеца тягостное впечатление.

Он уже знал, что все миры с превалитетами выше тысячного больше напоминают ансамбли мыльных пузырей, прорастающие друг в друга вне чувственных сфер человека. И чем ниже – по возрастанию чисел – опускался формонавт, тем меньше материального и больше иллюзорного реализовывали числа и созданные ими формы.

Вселенная рождалась не просто многомерной, она рождалась многослойной, как русская матрёшка, и каждый слой подчинялся своим математическим законам (порождающим законы физические), своим формам, базой которых становились цифры от единицы до десяти, а потом дальше, и дальше, и дальше до бесконечности.

Вообще предпосылкой Бытия всегда была Форма, а первым его проявлением – Движение, названное впоследствии временем. Прохор с детства любил математику, с наслаждением вычерчивал проникновение друг в друга геометрических фигур, что и позволило ему после университета вник-

нуть в новую науку – формологию и постичь Рупа Дхату – мир форм, определяющий в «матрёшечной» Вселенной законы Бытия.

Несмотря на приличное числовое «расстояние», отделяющее одиннадцатипревалитетный мир Прохора от четырёхсот девяносто пятого мира Капрекара, в этой реальности всё казалось вполне материальным и плотным. Опираясь на свойства постоянной Капрекара – число 495 можно было с помощью шести итераций превратить само в себя – и разложить на базовые формы – тетраэдр, девятигранник и пентаэдр, порождённые цифрами 4, 9 и 5, мир Капрекара не «плыл сам в себе», являясь плотным и массивным. И неудобным. Потому что архитектура города в нём тоже подчинялась цифрам 4, 9 и 5, создающим впечатление массивности и гипертрофированного масштаба, подавляющего волю человека.

Это был Суздаль. Но если в 11-м превалитете Прохора он славился редким сочетанием памятников старины, древнерусского зодчества и строений в стиле хай-тек, созданных современными архитекторами из стекла, алюминия и новейших композитных материалов, **этот** Суздаль был конкретно **иным**: тяжеловесным, массивным, застроенным гигантскими по размерам храмами и церквями, придавленными такими же массивными и тяжёлыми крестами.

Монастыри поражали воображение циклопической кладкой, формообразующим элементом которой здесь являлись каменные тетраэдры весом до пяти тонн, а также странные

вычурные многогранники, сохранившие природную форму кристаллизации минералов – пяти– и девятигранников.

Следственный изолятор, в котором работал местный Прохор, издали тоже казался монастырём, хотя вблизи больше напоминал каземат старинной крепости, способный выдержать удар межконтинентальной ракеты.

Побродив вокруг него «вместе» с «настоящим» Прохором, реальным и материальным в этом мире, Прохор-путешественник расслабился и решил не гнать лошадей. Если кто и преследовал его, то здесь, в узле Капрекара-495, это никак не проявлялось. Можно было в каком-то смысле отдохнуть.

Прохор-495, размышлявший не о смысле жизни во время обхода охраняемой территории, а о том, где бы провести следующую ночь, ни к какому решению не пришёл и побрёл в караулку попить горячего тхшаю.

Прохор-11 согласился в душе с этим решением. Захотелось послушать, о чём говорят люди в этом «измерении», а главное, узнать, существует ли у местного Прохора любимая женщина и кто она.

Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать

Данимир Саблин хорошо знал Прохора Смирнова.

Они были дружны с детства, так как родились в один год, год Крысы по восточному календарю, в одном дворе, учились в одной гимназии и даже в одном классе.

Потом пути их разошлись: Прохор поступил в Московский университет, закончил факультет прикладной математики, а Данимир Саблин пошёл по военной линии, закончил десантное училище, воевал в Дагестане, был ранен и в конце концов оказался в Суздальском Центре экстремального туризма, став тренером по выживанию. Тут старых друзей и свела жизнь плотнее, хотя и раньше они не порывали связи, изредка встречаясь в кругу приятелей. Тем более что Прохор давно увлекался рискованным туризмом и облетел чуть ли не всю Землю в поисках приключений. Жалел он только об одном: что не побывал пока на Луне.

В космос туристы летали уже давно, начиная с начала века, вокруг Земли даже обращался космический отель «Мир», запущенный Россией совместно с Европейским космическим агентством, но это путешествие не удовлетворяло желаний Смирнова, и Саблин его понимал: Прохору хотелось **сильных** переживаний и ярких эмоций, чего не могли дать ни полёт к «Миру», ни кратковременная невесомость.

Знал Саблин и другую сторону деятельности Прохора, увлѣкшегося формологией и разработкой красивых ажурных многогранников, которые он называл инфобиотонами. До поры до времени это было хобби, но всё чаще Прохор упоминал в разговоре с Данимиром о своих формопутешествиях в иные «измерения», и всё больше увлекался жизнью за гранью родной реальности, сформированной, как он утверждал, числом 11.

И ещё один момент: Саблин знал о давних чувствах друга к девушке Юстине, с которой оба были знакомы с детства, и сочувствовал ему, так как Юстина Бояринова, кроме своей работы в Управлении полиции Суздаля, ничего и никого не любила. Да и особой была решительной и суровой. Правда, когда она улыбалась и шутила, что случалось нечасто, Саблин вполне понимал Прохора.

О том, что за другом началась охота, он узнал в апреле.

Всполошился, конечно:

– Какая охота?! Во что ты вляпался?!

Прохор, почесав затылок, признался:

– Сам не знаю, я занимался формологией, ты же знаешь... добрался до сотого Ф-превалитета... и наткнулся на Охотников.

– Каких охотников?!

– Это я их так называл – Охотники. Эти твари внедряются в носителей – людей.

– Подожди, ничего не понимаю. Какие охотники? В кого

они вселяются? Давай поподробнее.

Тут Саблин и узнал о существовании помимо «матрёшечной» Вселенной неких сил, которые Прохор назвал Владыками Бездн, и о системе контроля «матрёшки», олицетворяемой иерархами контроля и Охотниками за формонавтами, то есть за людьми, самостоятельно уяснившими суть математической многомерности Бытия. А поскольку он был человеком инициативным, умным и дальновидным, имел среди влиятельных персон города немало друзей и учеников, поклонников боевых искусств, то смог быстро организовать нечто вроде секретной команды по охране Прохора, о чём сам формонавт не догадывался и продолжал спокойно заниматься своими изысканиями.

Правда, когда Охотники всплыли в Суздале, вселившись в брата Прохора, приехавшего из солнечной Грузии якобы в отпуск, чего никогда раньше не происходило (брат женился на грузинке двенадцать лет назад и в Россию не возвращался), Саблину пришлось всё рассказать другу, надолго испортив ему настроение. Но брата надо было мягко «нейтрализовать», то есть выпроводить из города вместе с его напарником, и Смирнов в конце концов принял существующее положение дел, заставляющее его пристальнее вглядываться в людей, даже в тех, с кем он был знаком и дружен в течение многих лет.

Звонок Прохора из города Мирного, являвшегося административным центром Плесецкого космодрома, застал Саб-

лина в здании Центра экстремального туризма, возглавляемого известным в прошлом стритрейсером Патрушевым. А так как Сергей Патрушев был, что называется, своим парнем и хорошо знал Саблина, он сразу согласился помочь ему добраться до самого северного космодрома в мире, которым считался Плесецк. Он даже не спросил, зачем туда понесло тренера Центра по выживанию.

Два звонка нужным людям сделали рейд в Плесецк предельно реальным.

Прохор позвонил в начале первого.

Уже в два часа дня Саблин подъезжал к военному аэродрому под Суздалем, откуда через двадцать минут после посадки поднялся в воздух «Суперджет» Министерства чрезвычайных ситуаций и взял курс на Плесецк.

Ещё через полтора часа самолёт сел на военном аэродроме под Плесецком.

Саблина встречали два парня, один в гражданском, второй в форме военного лётчика.

Капитан воздушно-космических сил России Владимир Башканов служил на космодроме, и его появление подтверждало действенность второго звонка Сергея Патрушева: у него были связи и с российскими космодромными службами.

Парень в гражданском – летняя куртка, джинсы – встречал Саблина уже по его звонку. Звали его Робертом, и работал он в полиции города Мирного – участковым. Саблин

знал его друга, живущего в Суздале, хотя сам видел Роберта впервые.

Объяснять обоим суть происходящего он не стал. Для них оказалось достаточно короткого указания найти парня по имени Прохор Смирнов и переправить «на большую землю», то есть в центральную часть России, поближе к Москве.

– Деревня Дворики, – сказал Саблин. – В настоящее время он там.

Встречающие переглянулись.

– Километров двадцать от Мирного, по трассе на Архангельск, – сказал Роберт.

– Минут за сорок доедем, – кивнул Володя.

– Поехали.

Саблина усадили в белую отечественную лайбу под названием «Сабрина», рядом с Робертом.

Володя поехал следом на зелёном военном джипе «Патриот», в сопровождении водителя-сержанта.

Действительно, путь от аэродрома до деревушки Дворики, оказавшейся вполне современным маленьким посёлком с десятком керамзитовых домиков весёлой расцветки, занял всего полчаса с минутами. На окраине деревушки, у самого леса располагались три стареньких строения с потемневшими от времени и непогоды щеповыми крышами. Лет им было много, не меньше сотни.

Но подъезжать к ним Саблин не решился.

Роберт первым заметил стоящий в конце улочки сине-бе-

лый «уазик» полиции, затормозил.

– Понты, однако.

– Сучий потрох! – выругался Саблин. – Неужели они нашли его?

– Может, случайный заезд?

Саблин оглянулся.

«Патриот» капитана Башканова, следовавший за машиной Роберта, дисциплинированно прижался к обочине дороги в десятке метров.

Подождав минуту, из джипа вылез лётчик, подошёл к «Сабрине» со стороны пассажирского сиденья.

– Здесь полиция, – спокойно сказал капитан.

– Вижу, – с досадой сказал Саблин. – Будем ждать, пока уедут.

– Хорошо.

– Дайте свой мобильный.

Башканов продиктовал номер, вернулся к джипу.

Саблин принялся наблюдать за действиями полицейских.

«Уазик» постоял у одного дома, у другого, из него вышли двое полицейских, подошли к продуктовому киоску.

Саблин набрал номер Прохора.

Никто не ответил.

– Может, он уехал отсюда? – предположил Роберт.

– Вряд ли, он человек дисциплинированный, – покачал головой Саблин. – Уже позвонил бы.

– Кто он вам?

Саблин помолчал, глядя на полицейских, направившихся в их сторону.

– Друг.

– Почему его ищет полиция?

– Лучше бы тебе этого не знать. – Саблин понял, что полицейских заинтересовали подъехавшие автомобили. – Он ни в чём не виноват, просто оказался не в то время и не в том месте. Боб, эти ребята к нам, приготовься.

Полицейские, молодые парни, форма на которых сидела как вторая кожа, подошли к «Сабрине», один вежливо козырнул:

– Лейтенант Плиев, Южный район. Разрешите посмотреть ваши документы?

– Покажи, – кивнул Саблин.

Роберт вынул удостоверение, раскрыл, но не выпустил из руки.

– Что случилось?

Полицейские переглянулись.

– Ищем кое-кого. Вы, случайно, не по тому же делу?

– У каждого свое дело, – флегматично заметил Роберт, пряча удостоверение. – Кого ищете?

– Да так, деятеля одного. Фамилия Смирнов. Не встречали?

– Нет. Как он выглядит?

– Волосы русые, короткие, глаза серо-голубые, спортивное телосложение.

– Из колонии сбежал?

Обмен взглядами.

– Сведений не имеем. Ориентировку дали, приказали задержать.

– Понятно, хорошо, увидим – сообщим.

– А вы к кому, если не секрет?

– Лейтенант, не заставляй и меня доставать ксиву, – угрюмо сказал Саблин. – Тебе это не понравится. Займись своим делом.

Сталь в голосе пассажира «Сабрины» подействовала.

Полицейские откозыряли одинаковыми жестами, отошли, поглядывая на джип, но подходить к нему не рискнули, заметив серо-голубой мундир капитана Башканова. Посоветовавшись о чём-то, они вернулись к своему «уазику», и тот уехал, направляясь к выезду на шоссе.

Саблин вылез из машины, махнул рукой, предлагая капитану сделать то же самое.

– Что дальше? – спросил тот, подойдя.

– У меня есть ориентир.

– А те парни что здесь делали?

– То же самое, что и мы будем.

– Искали вашего друга?

– Самое интересное, что они получили правильную ориентировку, и это меня напрягает. Кто-то серьёзно заинтересован в Прохоре.

– Наша полиция вроде не связана с криминалом, – вылез

из «Сабрины» Роберт.

– Это тебе так кажется, – проворчал Саблин. – Нет такого криминала, с каким не была бы связана наша родная система охраны правопорядка. Идёмте.

– Куда?

– Прохор успел сообщить, что остановился в крайней избе у какого-то старикана, зовут Никитой Ивановичем. Полицаи туда не дошли.

Все трое двинулись в конец улочки, остановились у старенькой с виду избы с крышей из потемневшей щепы.

В саду за штaketником возился пожилой кряжистый мужичок с лопатой в руке. Одет он был в цветастую безрукавку поверх клетчатой рубашки и жёлтые штаны.

– Никита Иванович? – спросил Саблин, останавливаясь у калитки. – Добрый день.

– Да вечер уже, – разогнулся старик, оглядел гостей. – Кто будете? Не встречались бут-таки.

– К вам полицейские не заходили?

– Уберёг господь. Что им тут делать?

– Мой друг у вас остановился, Прохором кличут.

– Друг, говоришь? А почём мне знать, друг ты ему али нет?

Саблин улыбнулся.

– Вы у него спросите, скажите, Сабля приехал.

– Сабля?

– Фамилия у меня Саблин.

– Ладно, погодьте, схожу.

Из-за дома справа вышла пожилая женщина в белом платочке, с охапкой травы в руках.

– Кто к нам, старый?

– К гостю, быт-таки.

Женщина издали кивнула мужчинам, в разноречивой проговорившим «здрассте», скрылась во дворе.

Никита Иванович вернулся быстро, смущённый.

– Спит он, никак не разбужу.

– Понятно, – кивнул Саблин, – позвольте, я попробую?

– Дык, конечно, сделай милость.

– Подождите здесь, – повернулся Саблин к сопровождавшим его парням.

Прохор Смирнов лежал на топчане в маленькой комнатке, навзничь, сложив руки на груди. Глаза его были закрыты, грудь мерно вздымалась, дышал он спокойно, будто и в самом деле спал. Ни на слова Саблина «Прохор, вставай!», ни на прикосновения и покачивание он не реагировал.

– Обеспамятел, кажись, – озабоченно проговорил Никита Иванович. – Пришёл тихий такой, улыбочивый, попросился отдохнуть с дороги. Вижу, человек приличный, чего ж не пустить. А он, вот...

– С ним бывает, – сказал Саблин, размышляя, каким образом вернуть «сонному» способность соображать. – Заснёт бывало, потом не добудишься.

Он уже понял, что Прохор нырнул в свою «матрёшечную»

Вселенную и бродит где-то по иным «измерениям», оставив тело – носителя, как он говаривал – на попечение инстинктов и рефлексов. Но способа вывести его из этого состояния Саблин не знал.

– Водички холодненькой не принесёте?

Никита Иванович с готовностью шмыгнул из горницы в сени, но тут же вернулся.

– К вам.

Из-за спины старика шагнул Роберт.

– Полиция приехала.

Саблин перевёл глаза на хозяина.

– Принесите воды, побрызгайте на лицо, пошевелите. Мы поговорим с пацанами в форме и вернёмся.

Они вышли из дома.

У калитки стояли давешние полицейские, переминаясь с ноги на ногу, беседовали с капитаном Башкановым. Увидев выходящих, все трое посмотрели на них.

Повисла пауза.

Число Смиа

Время дежурства закончилось, и Прохор засобирался домой.

– На рыбалку с нами не поедешь? – предложил один из охранников зиндана, Саша Каширинкин. – Хорошая компания, Лёха Залман-Харенкович поедет, двух девочек обещает.

– Не поеду, – отказался Прохор. – Соседу обещал с ремонтом машины помочь. В другой раз съездим.

– В другой раз Лёха не согласится и девчонок не привезёт.

– Не, обойдитесь без меня, – упёрся Прохор.

Прохор-формонавт, тихо сидевший в голове Прохора-495, порадовался за «родича»: рыбачить он любил, а шумные компании с девчонками – нет.

Прохор-местный переоделся в необычного покроя зелёный костюм, сел за пределами территории зиндана в странный экипаж, больше напоминающий катафалк, и поехал на окраину Суздаля. Своего визави он не чувствовал (Прохор-гость порадовался этому обстоятельству), поэтому мысли охранника текли в ленивой прихотливости, не затрагивая центров возбуждения.

То он вспоминал встречи на природе с коллегами по работе, то разговоры с начальством, то пейзажи вокруг города, то представлял объятия девушки по имени Дуня, то с доса-

дой спохватывался, что дома его никто не ждёт.

Прохор-вселённый почти не прислушивался к размышлениям Прохора-местного, жадно разглядывая городские ландшафты из окна «катафалка» – местного аналога маршрутного такси.

Архитектура Суздаля в узле Капрекара-495 действительно базировалась на законах мануелин-готики, доведённой до абсурда аляповатостью накладок на стены в форме гигантских полусфер, якорей, цепей, раковин и морских водорослей.

Прохор сначала не понял, почему здешние архитекторы так полюбили морскую экзотику, потом с высоты холма увидел водную гладь до горизонта, «покопался» в памяти «родича» и обнаружил обстоятельство, послужившее базой для морской тематики: местный Суздаль располагался на берегу большого озера, созданного предками в незапамятные времена. Кто его соорудил, зачем, с помощью каких инструментов, Прохор-495 не знал.

Впрочем, гостя это не очень заинтересовало. Глядя на мрачноватые дома с вытянутыми стрельчатыми окнами, напоминающие средневековые монастыри, он думал о том, что жить здесь не согласился бы ни под каким предлогом.

Родной дом Прохора-495 показался ему пакгаузом: коричневый девятигранник на массивном фундаменте, сложенный из крупных шлакоблоков, был накрыт пирамидальной крышей из бордового цвета плитки. По всему его фасаду

вилились вделанные в стены массивные цепи, окон было мало, и они больше напоминали узкие длинные щели.

Прохор поёжился.

Несмотря на летнее утро и хорошую ясную погоду, восьмизатяжной «пакгауз» хорошего настроения не создавал. Да и вообще архитектура Суздаля-495 не вызывала позитивных эмоций, положившая в основу цифры 4, 9 и 5, которые по отдельности символизировали равновесие идей, взаимопроникновение форм, начало творения, а вместе порождали тенденцию застоя и уныния.

Прохор-495 вылез из маршрутки, по-прежнему занятый своими невесёлыми по большей части мыслями: теперь он размышлял о политике, о президентской команде, не способной вывести страну из очередного кризиса, – двинулся к единственному на весь дом подъезду, втиснутому между двумя массивными полуколоннами.

Прохор-формонавт приготовился увидеть интерьер квартиры «родича» и внезапно обратил внимание на двух мужчин у подъезда, якобы выгуливающих собак.

В принципе ничего особенного в этой картине не было, люди с собаками гуляли по всем городам России, и Суздаль не отличался в этом смысле от других населённых пунктов. Но взгляды у владельцев животных показались Прохору-го-стю прицеливающимися, а он уже натренировался отличать заинтересованность людей по их глазам.

У любителей собак глаза были слишком **сосредоточен-**

НЫМИ.

Заговорила интуиция: уходи, это Охотники!

«Интересно, как они меня нашли здесь?!» – удивлённо подумал Прохор, забыв о своём положении.

Прохор-495 споткнулся, уловив **чужую** для него мысль, прислушался к себе.

Мужчины с собаками направились к нему, таща собак на поводках.

Прохор не стал дожидаться, чем закончится встреча его «родича» с соседями. Он стремительно соединил в сознании буквы и унимодальные⁴ первоцифры, вогнал их в геометрические фигуры, создавая мысленный алгоритм-ключ перехода, и пушинкой вылетел из головы Прохора-495, чтобы оказаться в голове его предшественника – четырёхста девяносто четвёртого Прохора.

Здесь он не задержался, хотя Прохор-494 в этот момент обедал в компании с девушками. Мысль – погрузиться глубже трёхзначного узла Капрекара – пришла во время перехода в сопровождении мысли: чтобы Охотники не поняли, куда он побежал.

Обычно погружения Прохора не превышали сотни первых слоёв «матрёшки». По мере увеличения «глубины» нырка материальность Ф-превалитетов сначала росла – до про-

⁴ Цифры 1, 2, 4 и 8 согласно науке численавтике называются унимодальными первоцифрами.

стого числа Смита, равного двадцати семи⁵, а потом начинала падать, теряя плотность, до иллюзорных конфигураций. Уже спуск в глубины числоформ до постоянной Капрекара был для него подвигом, потому что он не знал, устойчив ли этот узел – 495, или нет. Оказался – вполне реален и осязуем.

Однако нырять ещё глубже было опасно, самым естественным выходом из положения казался «подъём вверх», к своей реальности, сформированной числом 11 и устойчивой геометрией тетраэдра. Несмотря на смысл числа 11, несущего «второе отрицание единого», мир-11, в котором родился и жил Прохор, подчинялся вполне понятным, жёстким, физическим законам, был устойчив и магические превращения не допускал. Способности Прохора объяснялись его скрытыми волевыми запасами, владением биоэнергетикой и знаниями.

Зато после двадцать седьмого Ф-превалитета магия – возможность управлять физическими процессами с помощью мысленно-волевых усилий, начинала играть всё большую роль, и уже в мире седьмой сотни чисел сам Прохор, с помощью своего местного носителя, запросто мог «творить чудеса», реализуя предметы обихода «из воздуха» или манипулируя физическими процессами класса «зажечь свечу взглядом».

Единственное, что его останавливало, крылось в реакции самого пространства «нижних» миров: оно начинало «кор-

⁵ Числа Смита образуются простыми сомножителями: число $27 = 3 \times 3 \times 3$.

читься», содрогаться, колебаться и порождать феномены типа полтергейста или появления привидений, что очень сильно напрягало жителей каждого из миров.

Проход просто опасался, что его вмешательство каким-нибудь образом нарушит «параллельную реальность», взорвёт её стабильность, и та окончательно растает, скатится в бездну хаоса.

Грубая и зримая материальность мира-494 успокоила путешественника и настроила его на оптимистический лад.

Проход осмелел.

Появилась идея нырнуть в другой узел Капрекара – четырёхзначный и посмотреть, как живут люди на самом краю Бездн – миров, опиравшихся на большие числа.

Четырёхзначная постоянная Капрекара равнялась числу 6174: с помощью всего шести итераций оно «порождало» само себя.

Цифра 6 символизировала равновесие.

Цифра 1 – единство.

Цифра 7 – союз идеи с формой.

Цифра 4 – стабильность, доходящую до стагнации.

И геометрия этого слоя «матрёшки» должна была формироваться под влиянием достаточно устойчивых геометрических фигур – куба и тетраэдра, с «лёгкой примесью» гептаэдра, отличавшегося от более простых фигур большей подвижностью. Поэтому существовала вероятность того, что Ф-превалитет 6174 представлял собой более или менее устойчи-

вый мир, где можно было остановиться и оглядеться, не ожидая нежелательных встреч.

Проход сосредоточился на глубоком погружении, «набрал в грудь воздуха» – говоря образно, и воспроизвёл в памяти конфигурацию эргиона.

«Полёт» по необычному вспышечному пространству психических связей, объединяющих трансперсональную линию Прохоров-Смирновых, продолжался довольно долго. Сознание Прохора проваливалось в «яму неподвижного движения», выныривало в «свет разума» очередного Прохора, снова проваливалось, выныривало и, наконец, по расчётам формонавта, нащупало «пристанище» в голове Прохора, жившего в узле Капрекара под номером 6174.

Местный Проход Смирнов (здесь он носил фамилию Смирик) сидел на берегу водоёма и сосредоточенно швырял в воду тяжёлые металлические шарики. Во всяком случае, так сначала показалось Прохору-формонавту. Но это были не шарики. Булькнув, они скрывались под водой, затем всплывали, раздуваясь до величины футбольных мячей, превращались в белые полупрозрачные парашютики, поднимались в воздух – ни дать ни взять – медузы! – и летели к берегу, чтобы сжаться в размерах и упасть на отмель в виде шариков.

Весь берег водоёма, уходящего вдаль до горизонта, был покрыт слоем этих необычных созданий, то ли конкреций, то ли живых существ наподобие приспособившихся к транс-

формации жуков.

На горизонте вырос светящийся вихрик.

Прохор-6174 встрепнулся, бросил своё занятие, встал.

Одет он был в дырчато-ажурные штаны до колен, без ремня, и в такие же налокотники, и, похоже, больше ничего из одежды на нём не было.

Впрочем, люди, сидевшие на берегу водоёма, в основном мужчины, были одеты примерно так же, из чего можно было сделать вывод, что их странные наряды представляют собой по местной моде купальные костюмы.

Вихрик приблизился, превратился в яхту необычных очертаний: её расплывчато-белый корпус состоял из одних пересекающихся многоугольников, а вместо парусов из центра судна вырастали пучки перламутровых перьев, то выраставших вверх, то опадавших до палубы.

Яхта остановилась. Паруса её образовали кристаллическую структуру в форме друзы кристаллов полевого шпата.

С неё посыпались на воду бликующие пузыри в форме тетраэдров и кубов, очень похожие на мыльные. Они скользнули к берегу, начали танцевать на поднимавшихся при полном безветрии волнах и таять, исторгая из чрева пассажиров.

На берег выбрались длинноногие девушки в разноцветных блестящих туниках из рыбьей чешуи, смешались с толпой встречающих.

По-видимому, это были туристы, вернувшиеся с экскурсии.

Мужчины здесь больше походили на ходячие скелеты, обтянутые кожей, ни одного атлета Прохор не увидел. Женщины казались миловидней, тонкие, как кипарисы, но с широкими угловатыми плечами.

Прохор-6174 помог одной из девиц, заговорил с ней, провозжая к низкому ажурному строению, похожему на павильон со стойкой бара. При каждом их шаге шарики под ногами лопались, превращались в зеленоватые струйки дыма, застывающие через мгновение стебельками травы.

За прибывшими потянулись зелёные травяные дорожки.

Павильон наполнился шумом, песнями, смехом, говором трёх десятков людей.

Говорили все на очаровательной смеси русского, украинского и китайского языков, поэтому понять суть разговора было сложно.

Отдыхающих становилось всё больше, и в какой-то момент павильон вдруг разросся облаками сверкающей пены, изменил конфигурацию столиков и стульев.

Теперь разместились все, образовав странный «цыганский» табор.

Прохор с любопытством начал осматриваться. Жизнь его «родича» в этой реальности разительно отличалась от более грубой жизни родного одиннадцатого Ф-превалитета. Объекты, вещи и предметы быта здесь казались зыбкими, текучими и легко меняли форму, поэтому ориентироваться в постоянно меняющемся интерьере и ландшафте было трудно,

мешали потрясающие воздух невидимые вибрации.

Где находился в данный момент Прохор Смирик, определить с ходу было трудно. Берег водоёма мог принадлежать как части пляжа заграничного отеля, так и пансионату российского разлива. Потому что постройки, затрагиваемые периферийным зрением Прохора-6174, по форме напоминали и минареты, и церкви с длинными, готического вида башнями вместо куполов.

И ещё его поразило полное отсутствие в этом месте детей. В родной числореальности Прохора детей на пляжах было чуть ли не больше, чем взрослых.

Девушка в «чешуе» пересела к Прохору на колени.

Бармен сунул им большой пирамидальный бокал с трубочкой, раздваивающейся на конце, и они начали потягивать синеватую, пронизанную частыми струйками пузырьков жидкость.

Прохор-гость почувствовал жажду, подсоединился к сфере ощущений «родича».

Жидкость по вкусу напоминала молоко и шампанское одновременно, и судя по всему являлась аналогом алкогольного коктейля. Хмель быстро ударил в голову Прохора-6174, и он сильней прижал к себе девушку с волосами, завитыми в форме языков пламени.

Прохор-формонавт понял, что пора покидать сей необычный колышущийся мир. Быть свидетелем интимных игр «родича» с незнакомкой не хотелось. К тому же она не была по-

хожа на Юстину.

В бар ввалилась компания парней в дырчатых «плавах-штанах» и очередная порция девушек в «рыбей чешуе».

Прохор заметил взгляд одной из них, и ему вспомнились взгляды соседей Прохора в четырёхста девяносто пятом Ф-превалитете: у блондинки с узкими «азиатскими» глазами взгляд был такой же – **прицеливающийся**.

«Не может быть! – одёрнул себя Прохор. Перемещение по числоформам невозможно отследить! Я не бегу по дороге, не еду на машине и не лечу в самолёте! Это даже перемещением в чистом виде назвать нельзя, разве что сменой координат Бытия. Но тогда почему Охотники находят меня даже в таких экзотах, как узлы Капрекара?! Начали тотальную слежку за «родичами» во всех существующих числомирах? Или я просто психую?»

Блондинка в «чешуе» направилась к нему.

Девушка на коленях игриво прижалась к Прохору, обняла за шею, задала какой-то вопрос.

Прохор-гость с трудом перевёл этот вопрос:

– К нам присоединится Тянь-И, не возражаешь?

Прохор-6174 поцеловал её, подозвал официанта:

– Не возражаю. Ещё бокал мизели.

Девушка по имени Тянь-И под села к отдыхающим, заговорила мурлыкающим голосом на том же непонятном языке.

Прохор-формонавт почти ничего не понял.

Зато Прохор-6174 всё понял прекрасно. Речь Тянь-И можно было перевести как:

– Ой, как я рада, что вы здесь, я искала Дани, увидела Коно, он такой противный, губы мокрые, и тут вы, я сразу к вам, не прогоните?

Прохор-6174 и его девушка засмеялись, оценив непонятый Прохором-гостем юмор, он хотел расслабиться, отбросить опасения, но снова уловил откровенно оценивающий взгляд блондинки и уже без колебаний решил откланяться, вернее, уйти по-английски, никого не предупреждая.

Девушка по имени Тянь-И в настоящий момент подчинялась вселившемуся в её разум Охотнику и анализировала поведение Прохора, это было ясно как божий день. Стоило Прохору выдать себя хотя бы ответным взглядом, и Охотник наверняка привёл бы в действие какое-нибудь оружие (о чём Прохор не имел ни малейшего представления), либо оглушил бы его, подавив волю (что вполне было вероятно). А смог ли бы Прохор отбить пси-удар или сбежать, было неизвестно.

«Куда?» – задал он сам себе вопрос.

«Только не в Бездну!» – сам же себе и ответил.

Блондинка Жасси продолжала смотреть на него испытующе, потянула к себе неизвестно откуда взявшуюся сумочку, но что она оттуда вынула, Прохор уже не успел увидеть, воспроизводя в памяти ключ перехода. Нырок в «прорубь»

между мирами разных формооснов – шесть тысяч сто семьдесят четвёртым и шесть тысяч сто семьдесят третьим унёс его из этого мира.

В «проруби» было темно и холодно. Затем наступило короткое потепление, мелькнул свет «в конце тоннеля», однако Прохор заставил себя погружаться в «прорубь» снова и снова, пока не вынырнул, окунувшись в холод и мрак шесть с лишним тысяч раз, в «измерении» под номером 7.

Он уже бывал здесь, зная все особенности цифры 7 и геометрической фигуры, служащей базой всех формообразований этого превалитета, потому и выбрал место высадки седьмой слой «матрёшки».

Гептада – семёрка – считалась идеальным числом Космоса, символом мужчины, выражающего свою истинную природу «зачинателя» Жизни. Семёрка считалась священным, мистическим, волшебным числом и во всех духовных доктринах народов Востока, символизируя космический порядок и завершение природных циклов.

В Библии это семь дней творения, в Месопотамии – Древо Жизни с семью ветвями. В Древнем Египте 7 было священным числом бога Осириса (символ бессмертия), в Солнечном культе Митры 7 – это количество ступеней Посвящения. В исламе считается, что Вселенная состоит из семи небес, семи морей и семи земель, а также из семи ступеней, ведущих в ад, и семи дверей, ведущих в рай.

Сакральность этого числа подтверждают и вполне реаль-

ные постулаты человеческого бытия: семь цветов радуги, звукоряд из семи нот, семь дней недели, пословица: «Семь раз отмерь, один – отрежь».

Кроме того, Прохор знал и дополнительные аксиомы священности семёрки, опиравшиеся на законы численности.

Согласно им 7 правит Жизнь в мире Материи и означает слияние Материи с Духом, объединяет цифру 3 – «порождающую Силы» с цифрой 4 – Материей.

Существовали и другие оккультные доказательства священности семёрки, востребованные религиями и духовными практиками, но они уже не играли особой роли, так как первичные достоинства этой цифры превалировали при формировании её свойств.

Прохору было достаточно того, что мир седьмого Ф-превалитета, опираясь на жёсткие физические константы и базовые геометрии тетраэдра, был устойчив и в каком-то смысле **закончен**. В нём можно было не опасаться, что малейший чих или кашель изменит соотношение форм и потрясёт местное пространство.

И ключевыми словами к гептаде являлись слова «удача», «опёка» и «управление» в совокупности со словами «случай», «суждение», «сновидения», «голоса» и «звуки». Последний ряд слов с виду не являет устойчивость мира, однако подтверждает универсальность числа 7, его всеобщий характер и целостность.

Прохор-7 в этой числореальности жил в Суздале, как

и Прохор-11, хотя работал не в научном центре «Осколково», а в конструкторском бюро «Наноболт».

Суздаль-7 почти ничем не отличался от родного Суздаля Прохора-формонавта.

Ни о какой готике речь здесь не шла. Архитектура города-музея, города-памятника древнерусского зодчества, вмещавшего на своей территории одиннадцать монастырей, более трёх десятков храмов и больше полусотни церквей, была полна силы, ясности и всеобъемлющей ласковости. В русском храме хочется поднять голову, посмотреть вверх, в небо. В католических и прочих храмах Запада хочется смотреть вдаль, что отражает иное миропонимание: русская душа тянется вверх, в космос, западная – плывёт вдоль земли, не отрываясь от неё.

Увидев проплывший мимо Ризоположенский монастырь (Прохор-7 сидел за рулём внедорожника «Радонеж»), Прохор-11 вздохнул с облегчением. Впечатление было такое, что он вернулся домой.

Однако в его Суздале рядом с монастырём на улице Ленина высилась стеклянная башня Нефтехимбанка, а здесь её не было, и он снова сосредоточился на своём путешествии, решив проанализировать положение местного Прохора Смирнова.

«Седьмой» Прохор ехал не на работу.

Наступил полдень четверга 21 июня, но Прохор-7, весело насвистывая какую-то мелодию, поставил машину воз-

ле универсама на Торговой площади и двинулся в сторону Кремлёвской улицы, упиравшейся в Суздальский кремль.

Прохор-11 сделал вывод, что его «родич» находится в отпуске.

Пришло сожаление. Он хотел посмотреть, чем занимается «родич» на рабочем месте. Мысли о работе у «седьмого» иногда возникали, но расплывчатые, мимолётные, и понять, что входит в его обязанности, не представлялось возможным. А название фирмы «седьмого» – «Наноболт» наводило на несерьёзные размышления.

У книжного магазина Прохора-7 ждала девушка.

У Прохора-11 ёкнуло сердце: девушка была очень похожа на Юстину.

– Привет, Жунь, – сказал «седьмой» обыденным голосом, без особой сердечности. – А Вадик где?

Девушка Жунь, похожая на Юстину, одетая в красивый летний сарафан, подчёркивающий её пышные формы (Юстина была чуточку стройней), пожала руку Прохору, повела плечиком:

– Поехал в автосалон, его любимую «Ауди» поцарапал какой-то лох.

– Когда, где?

– Только что, возле причала.

– Понятно, он не придёт. Вдвоём справимся?

– Не камни же таскать?

Они направились к магазину.

Прикидывая, чем собираются заниматься его «знакомые» в книжном магазине, Прохор глазами «родича» осмотрел эстетику здания торгового центра на другой стороне улицы.

Здание представляло собой пересечение геометрических фигур, пирамид и призм с крутыми изломами зеркальных стен, придающих ему неожиданный шарм, и вызывало интерес.

Уже входя в магазин, они услышали сзади чей-то возглас: «Погодите!» – оглянулись.

К ним подбегал высокий, узкоплечий молодой человек в ярко-синем костюме с укороченными рукавами.

По-видимому, это и был Вадик, о котором вспомнил Прохор-7.

У него было длинное лицо, белёсые ресницы и рыжая поросль на щеках, а волосы он постриг таким образом, что они свисали по бокам головы сосульками, обнажая выбритые змейкой места.

Прохор покопался в памяти, но знакомого с такими физическими данными и вкусами не обнаружил. В его одиннадцатом Ф-превалитете Вадиков не было.

– Подождите, я с вами, – повторил молодой человек ломким голоском.

Прохор-7 и девушка Жунь остановились, поджидая приятеля.

Прохор поймал его прицеливающийся взгляд, и неспящая интуиция подняла тревогу:

«Назад! Это Охотник!»

«Чёрт бы вас подрал! – с изумлением и даже с испугом подумал Прохор, собирая волю в кулак. – Как же вы мне надоели!»

Старт в числоформный туннель прошёл без эксцессов. Если в голову Вадика и в самом деле вселился Охотник, он ничего не успел сделать. Прохор опередил его, бросив своё «Я» (которое можно было назвать душой) в форме «пси-файла» в «прорубь» между числомирами.

А поскольку на раздумья о координатах выхода времени у него не было, он и махнул не «вниз», по направлению к своему Ф-превалитету, а «вверх», к началу Мироздания, олицетворяемому цифрой 1.

Прохор-2 жил в Суздале-2, но работал не в научном центре «Осколково», а в студии технического дизайна «Суздальёт».

Студия принадлежала частно-государственной компании по изготовлению вертолётов и геликоптеров и занималась разработкой внутренних интерьеров винтокрылых машин и даже дизайном их вероятных моделей. Каким образом математик Смирнов оказался в студии, понять было трудно, зато он занимался числонавтикой (Прохор-11 ахнул, узнав это) в свободное от работы время и понимал толк в геометрии. Воспринять главные постулаты формонавтики, объединяющей в себе числонавтику и формологию, для него не составило бы труда.

И ещё одно обстоятельство поразило и обрадовало Прохора-путешественника: в этой реальности существовала Юстина, почти не отличимая от той девушки, которую безумно любил Прохор-11, не находя взаимопонимания. И хотя звали её иначе – Устиньей, она была похожа на Юстину как сестра-близнец, а главное – любила Прохора-2, в отличие от своей «родственницы» из одиннадцатого Ф-превалитета! Об этом Прохор-11 узнал практически сразу после «высадки» в голове «родича», так как именно в этот момент Устинья и Прохор сидели в павильончике на набережной реки (оказавшейся Каменкой) и пили соки, болтая о своих знакомых, проблемах и прочих любопытных вещах.

За то время, пока Прохор-путешественник знакомился с миром «первого отрицания Единого» – что символизировала цифра 2, он узнал много забавного из жизни «родича» и событийной канвы «второй» числореальности.

Люди воевали и здесь.

США совместно с Израилем второй раз напали на Иран с целью «насаждения демократии», однако потерпели поражение, как и в первый раз (в 2012 году), потеряв два авианосца (в 2012-м они потеряли один авианосец), три эсминца, полтора десятка самолётов и около тысячи военнослужащих. Иран снова оказался гораздо более сильным государством и, несмотря на постоянно вводимые против него финансово-экономические санкции Евросоюза и самих США, приберёт для «демократизаторов» много сюрпризов наподобие

зенитно-ракетных комплексов нового поколения, созданных как в самом Иране, так и закупленных в Китае.

Досталось и Израилю, на города которых упали двенадцать ракет дальнего действия, также созданных в Иране, что мгновенно охладило пыл израильтян и заставило их отказаться от участия в военной операции.

В памяти Прохора-2 хранились и сведения о войне двух Корей – Северной и Южной, закончившейся объединением обеих в одно государство, и война Турции с Кипром, и война Канады с Норвегией и Россией за Арктику. Хотя самой обидной из войн была для Прохора война в Дагестане, унёсшая сотни жизней, где окопались недобитые во время чеченских и ингушских кампаний ваххабиты и «чёрные исламоиды», как стали называть в России кавказских боевиков и террористов.

Запомнились «второму» Прохору и забавные вещи вроде шоу-скандалов во время выступлений известных звёзд эстрады и «парадов» сексменьшинств. Особенно удивился «одиннадцатый» Прохор вручению очередных «наград» в области «шизоидного творчества» под названием «игнобелевских» премий.

В этом году премии давали за изобретение наногаджетов для подсказок на экзаменах, за создание «геояхт» с настоящими вулканами на борту, за изучение языка свиней и за «говорящую еду»: во время поглощения чебуреков, равиолей и пельменей они пели песни, читали стихи и ужасались,

что их едят «живыми», что особенно нравилось обывателям.

Кроме того, Прохор посмеялся, узнав, что премию в области физиологии получили биологи за изучение «заразности» зевоты. В качестве подопытного материала они использовали красноногих черепах.

Однако больше всего Прохора-гостя волновали отношения «родича» с Юстиной... то есть Устиньей, и он поспешил выяснить данное обстоятельство у ничего не подозревавшего Прохора-2.

Она его любила! Ну, или примерно так Прохор воспринял спрятанные в глубинах психики «родича» оценки происходящего. Сам же «второй» относился к подруге намного спокойней. Он вообще был исключительно уравновешенным субъектом, терпеливым и флегматичным, в глубине души поддерживающим собственное понимание мира как нечто неколебимое. И при этом он часто уступал друзьям и приятелям, напряжения не любил, с Устиньей бывал небрежен, а творческие решения иногда выдавал такие нестандартные, что руководители в студии хватались за головы и открывали рты.

А ещё он был довольно ленив, что резко отличало его от Прохора-11.

Впрочем, проанализировать, чем они разнятся ещё, Прохор-формонавт не успел.

Что-то тёмное спустилось с небес на сидящих, повеяло холодом, словно облако на мгновение закрыло солнце, и Прохор прислушался к своим ощущениям, пытаясь понять их

причины. Потом почти без раздумий прыгнул в «прорубь» меж мирами, чтобы «высадиться» в своём собственном теле: что-то изменилось там, в родной числореальности, требующее его присутствия.

Короткая череда «восходов» и «закатов» привела к смене ощущений. Появилась боль в спине, в правой руке, заболела шея.

Зрение восстановилось, пришлось только сморгнуть набежавшие слёзы.

Болезненные ощущения были привычными, они означали, что члены затекли после нескольких часов неподвижности.

А над ним склонилось чьё-то знакомое лицо.

– Очнулся, наконец!

– Сабля? – окончательно пришёл он в себя.

– Кто же ещё? – вопросом на вопрос ответил друг, которому он позвонил перед путешествием по числомирам. – Можешь встать?

– Конечно. – Прохор приподнялся на локтях, поддерживаемый сильной рукой Саблина. – Который час?

– Вечер уже, половина седьмого.

– Ух ты, сколько я провалялся! Как ты меня нашёл?

– Не время разглагольствовать, тебя ищут копы. Сможешь дойти до машины?

Прохор сел на топчане, массируя плечо, потом шею и кисти рук.

– Минутку, кровь запущу. Надо хозяина поблагодарить, он меня выручил.

– Да ничо, всё нормально, – отозвался низким басом Никита Иванович, возникая за спиной Саблина. – Не знаю, чего ты наворотил, паря, но сдаётся мне, вины за тобой нет.

– Это уж точно, отец, – подтвердил Саблин. – Будем добиваться справедливости.

– Бог в помощь, мил-человек.

Они гурьбой вышли из хаты.

Прохор, идущий вслед за другом, остановился, увидев незнакомых молодых парней; один из них был в форме офицера-лётчика.

– Не пугайся, – оглянулся Саблин, – свои. Только что отшили двух копов, по всем признакам те искали тебя. Научил бы и меня прыгать по числоизмерениям, глядишь, не пришлось бы мчаться к тебе на помощь к чёрту на кулички.

Парни у калитки вразнобой поздоровались, Прохор ответил им коротким «привет».

– Роберт, – представился один, в гражданском, протягивая руку.

– Владимир, – сказал лётчик. – Дан, я проеду до шоссе, посмотрю, не ждут ли где нас полицейские в законе.

– Давай, – согласился Саблин.

Лётчик сел в подъехавший джип «Патриот», уехал.

– А мы куда? – спросил Роберт. – В аэропорт?

– Боюсь, в аэропорту Мирного нас будут ждать. Поедем

- на машине до ближайшего крупного населённого пункта.
- Североонежск.
 - Североонежск на юге, господа в униформе могут и туда направиться. Нужен северный город.
 - Ближе всех посёлок Обозерский, но поезда через него ходят редко. Надо ехать либо до Архангельска, либо на запад до Онеги.
- Саблин задумался на несколько секунд.
- Едем до Архангельска. Дашь машину?
 - Сам с вами поеду, у меня двое суток в запасе до очередного дежурства.
 - Отлично. – Саблин подтолкнул Прохора к «Сабрине». – Садись, рискнавт, будем драпать отсюда.
 - Не знаю, как вас благодарить, – начал Прохор смущённо.
 - Потом рассчитаешься, когда доберёмся до Суздаля, – проворчал Саблин, пожал руку Никите Ивановичу. – Спасибо вам огромное, отец! Будьте здоровы на много лет вперёд!
 - Дак и вам того же, – огладил бородку старик. – Доброго пути!
- Расселись в машине: Прохор на заднем сиденье, Роберт за рулём, Саблин рядом, оглянулся.
- Где был, что видел, расскажешь?
 - Я – обезумевший в аду предвечных числ, – криво улыбнулся Прохор.
 - Что?
 - Это стихотворение Верхарна.

– Не читал.

– Я заменил только слово «сад» на «ад». Там у него дальше: «Открою я глаза: их чудеса кругом! Закрою я глаза – они во мне самом! За кругом круг, в бессчётных сочетаньях, Они скользят в воспоминаньях».

Саблин покачал головой.

– Крыша не поедет от твоих путешествий?

– Не знаю, – хмыкнул Прохор.

– Перестань суетиться, оставь свои походы.

– Не могу.

– Почему?

– У Верхарна дальше: «Вы тексты от каких затерянных страниц? Остатки от какой разрушенной Вселенной?» Понимаешь? Он был посвящён в таинства чисел. Мне интересно! Это как наркотик: укололся раз – и подсел.

Роберт искоса посмотрел на Саблина, в глазах его всплыли тени сомнений.

– Не бери в голову, – посоветовал ему Саблин, – он не псих, он и в самом деле умеет выходить за границы доступного и дозволенного. Потому за ним и устроили охоту.

– Кто?

– Охотники Бездн.

Роберт подождал объяснений, не дождался и повернул ключ зажигания.

Ещё один шанс

Передающий Приказы не был человеком, хотя и родился на планете Земля, принадлежащей четырехзначной числореальности под номером 1634. Люди, постигающие математические законы Мироздания, называли это число числом Армстронга⁶.

Планета Передающего Приказы в этой числореальности имела название Майпхья и по сравнению с ближайшими реальностями являлась вполне материальным образованием, несмотря на «удалённость» от базовых форм Мироздания, подчиняющихся первоцифрам от единицы до девятки. Физические законы, реализованные в данном формофайле – если пользоваться современным языком, ненамного отличались от законов того Космоса, который породил планету Земля, и позволяли космическим телам – планетам и звёздам флюктуировать, циклически менять массу и размеры, однако они всё равно сохраняли свои формы и служили источниками света и энергии в виде звёзд либо источниками жизни в виде планет.

Передающий Приказы, получивший от подчинённых прозвище Глыба, между тем был потомком гигантских термитов и представлял собой разумный кластер этих насекомых, спо-

⁶ N-значное число называется числом Армстронга, если оно равно сумме n-ных степеней своих цифр.

собный мыслить и манипулировать физическими процессами как единый организм. При этом на планете существовали и другие разумные виды, в том числе люди, создавшие системы крепостей и террариумов для поддержки тех же насекомых. И для управления ими. Хотя на самом деле и те, и другие управлялись извне – из глубин числоформных миров, уходящих в бесконечные математические Бездны.

В Пункт пограничного контроля, созданный в числомире под номером 142857 (сформированном законами так называемого циклического числа), его вызвали иерархи второго уровня, в то время как сам он являлся иерархом контроля третьей ступени.

Появившись в зале контроля и проверив работу служб: под его началом служили шесть с лишним тысяч агентов Бездн, рыщущих по другим числомирам в целях пресечения распространения Знаний Бездн, знаний о сути Бытия, в том числе Охотники (по терминологии людей), сексоты наблюдения, подслушивающие и подсматривающие, агенты влияния, провокаторы и предатели, формирующие с помощью средств массовой информации мнения обывательской среды, – он стал ждать появления начальства, играющего роль Администрации при Владыках.

Администраторов он знал, Владык – нет.

Начальство появилось после двенадцати пьенли, что соответствовало двум минутам земного времени почти во всех числореальностях вплоть до тысячи пятисотой.

Администраторами Владык были люди.

Точнее, это были люди из какой-то матричной первореальности, «задающей» программу развития всем остальным «нижним» мирам. Но физически путешествовать по слоям «матрёшки» Вселенной не могли и они, поэтому каждый раз вселяли своих **проводников** власти в конкретных носителей данного слоя. Поскольку в настоящий момент в зале контроля ППК Передающий Приказы был один, Администраторы и выбрали его слушателем и одновременно выразителем воли Владык.

«Мы здесь, Исполняющий», – заговорил в клон-сознании Передающего Приказы мысленный голос, эхом повторивший то же самое несколько раз, постепенно стихая.

«Слушаю, Обладающие Силой», – отозвался он так же мысленно, будто разговаривал сам с собой.

Впрочем, примерно так всё это и происходило.

«Докладывай о проникшем в тайны Бездн».

«Идёт поиск выхода на его психику».

«Вынуждены признать, что поиск затянулся. Ты занимаешься этим уже семьсот двадцать хронго».

«Мы можем уничтожить его физически в течение двухтрёх хронго, но приказ был – заблокировать и доставить пси-файл проникшего Владыкам».

«Разрешаются все приёмы, кроме ликвидации. Нам он нужен живой. Однако если он перейдёт Правь-барьер, изменится вся система связей Мироздания! Этого допустить

нельзя! Не справляешься – мы назначим другого Передающего Приказы».

«Справляюсь. Есть шанс просочиться в Суздаль одиннадцатого формата и устроить засаду».

«Не сможешь уговорить его работать с нами – уничтожь модуль перехода, созданный им. Если и это не поможет...»

«Я понял, Обладающие. Будет исполнено».

«Владыки требуют найти решение не позднее половины природного цикла».

«Я принял».

Грохочущий отголосками странного эха мыслеголос Администраторов уплыл в океан тишины.

Передающий Приказы вскипел фонтанчиками термитов, расслабляясь, потом снова собрал себя в форме закованного в латы воина.

Посреди зала выросли две прозрачные колонны, соединяя пол и потолок. В них зашевелились смутные тени, сформировались в фигуры «очеловеченных» ящериц.

– Докладывайте, – проскрипел Передающий Приказы.

– Он ушёл из района перехвата, – нехотя сказала одна из ящериц, более крупная.

– Как?

– Ему помогли. Наши агенты не смогли задержать монаду помощи вследствие отсутствия необходимых полномочий.

– Вы обещали...

– Мы помним, – поспешно склонила уродливую голову

ящерица. – Дайте нам все выходы на Суздаль, объект чрезвычайно динамичен и быстр. Мы перехватывали его три раза, и каждый раз он непонятным образом ускользал от нас.

– Вас умножали дюжину раз...

– Данная цель не требует экономии средств, – поддержал коллегу второй Охотник. – Если Владыкам нужен объект, не считайте потраченные усилия, все средства хороши.

– Вы становитесь наглыми, как люди! – проявил нечто вроде удивления Передающий Приказы.

– С волками жить – по-волчьи жить.

– Что?

– Это земная поговорка.

– Да, вы меняетесь. Мне придётся доложить об этом наверх.

– Боюсь, вы не найдёте исполнителей лучше, – флегматично заметил первый Охотник. – Мы доставили в Узилище уже пятьдесят четырех формонавтов, это пятьдесят пятый, и знаем обстановку в числореальностях лучше всех. Нам нужны дополнительные силы, Охотники нужны связи, системы наблюдения – переключите их с политиков на наше обслуживание, усильте программное обеспечение.

– Вы требуете слишком много!

– В таком случае отстраняйте нас от работы.

Передающий Приказы снова вскипел, превращаясь в угловатую шевелящуюся кучу насекомых, некоторое время «думал», потом собрал себя в фигуру рыцаря. Человеческих

эмоций он не испытывал, однако негативные переживания были свойственны и ему.

– Даю вам двадцать хронго. Не справитесь – будете перемодулированы. Нужные структуры перейдут в ваше подчинение через полсотни пьенли. Разрешаются все средства и методы. Примите указание: создать стационарные засады в экзотических узлах Мироздания! Проникающего надо загнать в один из них.

– Указание принято, – поклонились ящерицы.

Колонны погасли, растаяли в воздухе.

Передающий Приказы ещё какое-то время сидел глыбой металла, потом начал рассыпаться ручьями насекомых и таять. Зал ППК опустел.

Побег

Не зря говорят, что если кошка перебежала перед тобой дорогу, надо возвращаться назад, толку не будет.

Прохор не послушался, и Юстины дома не оказалось. Не отвечала она и на вызовы по мобильному, что уж совсем казалось обидным. Тогда он позвонил Саблину, выслушал ругань: какого дьявола ты вышел один из дома, жить расхотелось?! – и пообещал дожждаться его в парке, на лавочке у входа.

Утро выдалось тёплым, кожу лица охлаждал свежий ветерок, но температура поднялась уже под двадцать градусов, весенний день 24 мая обещал быть ласковым.

Прохор сел на лавочку, рассеянно поглядывая на прохожих, мелькавших мимо центральных ворот парка со стороны улицы Ленина.

Парк официально назывался «Имени 950-летия Суздаля», но все звали его Вспольным, по названию северной улочки – бульвара Всполье.

Нахлынули воспоминания.

Из Плесеца удалось вырваться без особой суеты и экстрима.

Доехали на машине Роберта до Архангельска, сели в самолёт и поздним вечером высадились в аэропорту Шереметьево, терминал В.

Саблин довёз друга до дому: жил Прохор на улице Ярунова гора, в двухэтажной развалюхе номер сорок пять «А» сталинских времён, давно ожидавшей сноса, – и уехал, проинструктировав, что нужно делать в случае, если Прохор заметит признаки слежки. Прохор пообещал и потащился в ванную, собираясь принять душ и лечь спать.

На ум пришли строки Есенина:

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?

Звать никого не хотелось, делиться своими переживаниями тоже, а Юстина просто не стала бы его слушать, потому что не переносила хныкающих и рефлекслирующих мужчин. И хотя Прохор таковым себя не считал, намекать ей на свои опасения и страхи никогда не решился бы. К тому же она ничего не знала о его путешествиях по числомирам «матрёшечной» Вселенной, пронизывающих друг друга.

Мысль позвонить начлабу, сказать, что он уже в Суздале и у него всё нормально, мелькнула и пропала. Звонить Чудинову не хотелось тоже, несмотря на его расположение к талантливому сотруднику.

Мимо пробежал парень в красном спортивном костюме, вернулся, постоял рядом со скамейкой, делая наклоны и махи руками, бросил взгляд на Прохора и неторопливо удалился по дорожке к озерку.

Прохор встал, оценивая взгляд, сел обратно.

Парень был не опасен. К тому же Охотники не знали, куда поедет их подопечный и с кем намерен встретиться. Для этого они должны были жить в Суздале на **физическом** плане, а не засылать свои злобные пси-файлы, зомбируя живущих здесь людей.

Рука невольно потянулась к карману летней безрукавки, где лежал эргион.

Однако искусно сработанный энергоинформационный модуль не являлся средством физического перемещения, он лишь помогал погружаться в транс и нырять сознанию в «прорубь» между числомирами. Тело при этом оставалось в точке перехода, и его мог обнаружить любой человек. Хорошо, если формонавта сочтут потерявшим сознание от сердечного приступа и отправят в больницу. Но Прохора могли заметить и Охотники, а какую задачу поставили им Владыки, можно было догадаться.

С визгом шин перед воротами затормозил спортивный «Киа», в парке появился Данимир Саблин. Белая рубашка и белые брюки подчёркивали загар, полученный им в Италии в начала мая. Чёрные глаза друга смотрели строго и недружелюбно.

– Какого рожна тебя сюда понесло?

– Садись, подыши чистым воздухом, – шлёпнул Прохор ладонью по скамейке. – День больно хорош.

Саблин сел.

– Мне не нравится, что ты гуляешь один.

– Можно подумать, если я буду гулять не один, что-то изменится. Меня всё равно догонят.

– Ерунда, отобьёмся! Я кое-кому позвонил из органов, там готовы выделить нам группу для постоянной охраны.

– Это не поможет, Охотники могут выйти на кого угодно, в том числе и на охранников, и если вселятся в них, мне кирдык. Чем меньше людей знает обо мне, тем лучше.

– Можешь взять отпуск?

Прохор помолчал.

– Официальный отпуск у меня в сентябре. Я уехал из Плесца вроде бы как из-за сердечного приступа, Чудинов может дать неделю на лечение за свой счёт или в счёт отпуска. Зачем это тебе?

– Не мне – тебе, дружище. Поедем в глубинку России, проживёшь какое-то время у моего друга. Потом придумаем что-нибудь. К Юстине заходил?

– Нет её дома, – нехотя сказал Прохор. – И телефон почему-то не отвечает.

– Значит, уехала по вызову, ты же знаешь её работу.

Прохор знал: Юстина работала в отряде полиции особого назначения, занималась боевыми искусствами и часто исчезала по причинам, которые никогда не объясняла.

Вспомнилась Устя, знакомая Прохора-2 из Ф-превалитета номер два. Она так походила на свою «родственницу» Юстину из одиннадцатой числореальности, что сжималось сердце.

Захотелось увидеть её снова.

– Поехали к тебе, – решительно встал Саблин. – Собирайся, успокойся, и двинемся в Клирово.

– Где это?

– Егорьевский район Рязанской губернии, северная Мещёра. Лет десять назад туда переехал мой дружан Михаил, бывший бизнесмен, да так и остался.

Сели в серебристую, растопырчатую, великолепного дизайнера класса «жидкая скульптура» «Киа-Вейр».

– С чего это твоего дружбана понесло в глушь?

– Болел сильно, жить захотелось. Два года лечился травами, пил чистой воды, теперь здоров как бык, обустроил подворье, захиревшую больницу в селе отремонтировал, лесопосадками занимается, пожары почвенные тушит. Короче, сам увидишь.

– Уговорил, – слабо улыбнулся Прохор, оживая. Подумал, что с девушкой Прохора-2 он сможет познакомиться в любой момент, находясь где угодно, хоть в глуши, хоть на Луне.

Оставили машину во дворе дома номер сорок пять, так как двухэтажные «хоромы» Прохора были обнесены забором; дом готовился к сносу. Саблин подозрительно оглядел чёрный джип «Магnum» с московскими номерами.

– Откуда тут такие тачки? Погоди-ка, я первый пойду.

Домофон в подъезде отсутствовал по той же причине: жильцы не стали тратить на его покупку.

Прохор глянул на облупленные стены дома, на трещины,

избороздившие фасад, и ему захотелось уехать отсюда навсегда.

Поднялись по лестнице на второй этаж.

Саблин покрутил носом, разглядывая грязный пол лестничной площадки, толкнул дверь квартиры рукой.

Дверь приоткрылась.

Друзья переглянулись.

– Сюрприз, – пробормотал Саблин. – Ты закрыл дверь, когда уходил?

– Аск.

– Стой здесь. – Саблин осмотрел замок, бесшумно юркнул за дверь.

Прохор прислушался к себе.

По его ощущениям в квартире чужих не было, но полевой фон был потревожен: гости ушли отсюда совсем недавно. Он бы мог встретиться с ними, если бы не отправился в гости к Юстине.

– Заходи, – объявился Саблин. – Посмотри повнимательней, что пропало. Кто-то был здесь однозначно.

Прохор вошёл, обратил внимание на сброшенную с вешалки в прихожей одежду, прошёл в гостиную, увидел разбросанные по полу вещи.

– Чёрт!

– Вряд ли, – серьёзно возразил Саблин. – Чертовщиной не пахнет.

Прохор заглянул в свою спальню, превращённую им в ра-

бочий кабинет. Здесь на полках, в зеркальном шкафчике, на комоде всегда стояли собранные им собственноручно многогранники, играющие роль энергоинформационных модулей. Музей геометрии, как говорил Саблин, в котором насчитывалось не менее полусотни модулей. Теперь все они были разбиты, разломаны, многие исчезли, особенно маленькие, сложенные из стеклянных палочек и кусочков минералов.

Прохор сглотнул.

– За этим приходили? – спросил ему в спину Саблин.

Он покачал головой, достал из кармана эргион.

– За этим.

– Зачем он обыкновенным ворам?

– Это не воры, судя по разгрому, скорее всего Охотники.

– В рот чих-пых горячий пончик! Значит, они всё-таки добрались до Суздаля? Придётся заниматься ими по-серьёзному.

– Я не знаю, как их можно остановить.

– А я вообще не понимаю, чем ты им не угодил. Может, стал свидетелем какой-то махинации? И они теперь устраняют свидетелей?

– По моим сведениям, Охотники нейтрализовали уже не один десяток формонавтов.

– Откуда сведения?

Прохор нагнулся, начал перебирать на полу осколки разбитых многогранников.

– От одного из них.

Саблин озадаченно потёр ладонью шею.

– Ты не говорил, что встречался с формонавтами. Где?

– Далеко отсюда, в одном из числомиров Армстронга.

– Когда?

– Давно, ещё когда только учился ходить по «матрёшке».

Он меня предупредил, да я понял только сейчас.

Саблин присел на корточки рядом, наблюдая за действиями Прохора. Сказал осторожно:

– С чего ты взял, что Охотники хотят тебя замочить?

– Я не уверен, что они будут мочить, – усмехнулся Прохор. – В их арсенале физическое убийство – последнее средство. Но если я потеряю личность, чем это будет лучше смерти?

Саблин помолчал.

– Это верно. – Он с силой провёл себя ладонью по лицу, поднялся. – Помочь?

– Справлюсь. Чай поставь.

Прохор убрал мусор, расставил по полкам кучки стеклянных палочек и пластинки минералов, разбитые срезы агата, сердолика и яшмы. Включил компьютер, просмотрел записи на дисках.

– Всё в порядке? – зашёл в спальню Саблин. – Ничего не пропало? Я имею в виду деньги, сувениры, медали, ценные вещи.

– Ничего ценного, если не считать, что стёрты все записи

по формологии, числonavтике и математике. Но это восстановимо, ничего секретного я в компе не держал.

– А где держишь?

Прохор постучал пальцем по лбу:

– Тут.

– Мы поставим квартиру под охрану.

– Не стоит, вряд ли они сунутся сюда ещё раз.

– Но открыли они её профессионально, не сломав замка, из чего можно сделать вывод, что им помогает либо медвежатник, вор-домушник, либо...

– Спецслужба.

– Точно. Они вышли на кого-то из местных спецслужб, причём это может быть не обязательно силовая контора, а структура МЧС, к примеру.

– Чего гадать? Дело сделано.

– Если эргион у тебя, они за ним ещё придут, так что мы правильно делаем, что уезжаем. Идём пить чай. Будешь звонить начальству?

– Вообще-то мне работать надо, – с сожалением проговорил Прохор.

– Ну да, есть примета такая: ходить на работу – к деньгам, – пошутил Саблин.

– Я серьёзно, мне дали задание рассчитать характеристики суперрезины из нанотрубок.

– Ничего, посчитаешь позже.

Прохор скрылся в ванной комнате, вышел умытый и по-

свежевший.

Сели на кухне за стол, выпили по кружке чаю с бутербродами.

Прохор собрал сумку с вещами, оглядел гостиную.

– Такое впечатление, что я сюда больше не вернусь.

– Нездоровое ощущение. Успокаивать и обещать ничего не буду, сам знаешь, в каком непредсказуемом мире мы живём.

– Одиннадцатый Ф-превалитет, реальность «второго отрицания Единого».

– Я не об этом, твоя эзотерика цифр и вложенный в них смысл меня волнуют мало. Чем больше я встречаюсь с людьми, тем меньше мне хочется с ними общаться. Исключения не в счёт. Неужели в будущем ничего не изменится? Ты же там бродишь, должен знать.

– Я не путешественник по времени, я проникаю в то же самое настоящее, что пронизывает всю «матрёшку» Вселенной и существует здесь и сейчас, только каждый слой «матрёшки» живёт чуть иначе. Каждая цифра...

– Формирует пространство, создаёт матрицу форм, ты это уже говорил.

– Просто в числомирах, базой которых служат большие числа, реальность становится изменчивой, плывущей, тающей. Там легко стать колдуном, как говорится, управляющим объектами и силами с помощью мысленноволевых усилий. Но всё равно это не будущее в том смысле, в каком ты

это понимаешь. Это... – Прохор искал термин, – Бездна, вернее, Бездны.

– Где и живут Владыки?

– Вроде того. Хотя я не уверен, что они там живут.

– Если они Владыки Бездн, где они могут жить?

– У меня была мысль поискать их. Ладно, пошли.

Они закрыли квартиру, спустились к машине.

Прохор оглянулся на свой дом, в котором прожил больше двадцати лет, в котором жили родители, а до них деды, в душе шевельнулась тоска.

– Не переживай, – сказал Саблин. – Всё изменится.

– Жаль, если изменится к худшему.

– Есть хорошая поговорка в тему: пессимист считает, что всё плохо и хуже быть не может, оптимист уверен – может!

Прохор улыбнулся. Отлегло от сердца. Саблин как никто понимал его и всегда готов был помочь.

«Киа-Вейр» рванула с места.

* * *

Клирово оказалось довольно большим современным селом, связанным с трассой на Рязань неплохой асфальтовой дорогой.

Прохор насчитал около сотни дворов, пока они ехали на край села, и Саблин сообщил:

– Больше двухсот хозяйств, живёт почти тысяча человек,

есть четыре магазина, школа, больница, спортклуб и даже свой кинотеатр с 3D-залом. Поэтому молодёжь уезжать отсюда не спешит. Когда Михась переехал сюда, деревня была на грани похорон, а потом поднялась, когда он больницу восстановил.

– Асфальт тоже он положил?

– Нет, договорился с администрацией района, пообещал турбазу в Мещёре восстановить, на реке Пре, они и засуетились.

Свернули в переулочек, ведущий к лесу, остановились у последнего дома, вполне современного, сложенного из цельных красиво обработанных брёвен, двухэтажного, но не производящего особенного впечатления. Да и забор у усадьбы был условный, из обыкновенной металлической сетки – рабицы.

– Здесь, – сказал Саблин, припарковывая свой спорткар впритирку с забором.

– Не богато, – заметил скептически настроенный Прохор. – А ты говорил, он человек с деньгами. На нормальный коттедж средств не хватило?

– Так ведь смотря как этими средствами распорядиться, – пожал плечами Саблин. – Михась на этот счёт говорит: счастлив не тот, у кого много, а тот, кому хватает. Ему на жизнь хватает.

Ни в саду, ни во дворе, ни в огороде никого не было видно, однако стоило гостям выйти из машины, как дверь в дом

отворилась, и на крыльцо выбрался грузноватый кряжистый молодой мужик в бело-красной футболке и таких же штанах. У него была короткая седоватая борода, соломенные усы с проседью, такого же цвета волосы, прикрытые белой бейсболкой, нос картошечкой и улыбочивые тёмно-жёлтые глаза.

– Я его предупредил, – сказал Саблин, открывая калитку и направляясь к дому по усыпанной мелкой галькой дорожке. – Здорово, Михась.

– Здоров, Дан.

Они обнялись. Потом хозяин отстранил приятеля, посмотрел на Прохора.

– Проходи, чего остановился? Я Михась, ну, или Михаил, ежели привычней. А ты Прохор, насколько я понимаю. Дан объяснил на пальцах ситуацию. Ничо, будешь тут как у Христа за пазухой.

Прохор протянул руку и словно попал в клещи: ладонь у бывшего бизнесмена была мясистая, твёрдая и очень крепкая.

Через несколько минут гостю показали его комнату на втором этаже, с видом на лес, Михась провёл прибывших по дому, показывая, где что располагается, и все трое уселись на открытой веранде, пристроенной к основному строению под прямым углом к улице.

Стол на веранде был уже накрыт.

– Решил устроить себе сегодня разгуляй, – признался Михась рокочущим баском. – С полудня дома, жена на рабо-

те, она врач-педиатр в больнице, дети – у меня трое – в Рязани, бабуля в цирк повезла, к вечеру приедут.

– Старшему Глебу шесть, младшей Наденьке – четыре, – вставил слово Саблин, накладывая салат.

– И Тимурчику пять, – добавил гордо Михась. – Алкоголь употребляете?

Прохор обратил внимание на отсутствие на столе бутылок с вином, и Михась объяснил:

– Дан не пьёт, я уже десять лет в рот не беру, но для гостя могу открыть что-нибудь приличное, винцо есть грузинское, «Саперави», водочка смоленская, коньячок армянский.

– Спасибо, не балуюсь, – отказался Прохор с лёгким сердцем. – Я тоже только на праздники бокал шампанского себе позволяю.

– Это правильно, мозги лучше работать будут. Все эти разговоры о пользе вина – сволочная реклама для продавцов, не верьте. На себе испытал, знаю, о чём говорю. А сейчас вот этой самой рукой быка могу свалить одним ударом!

Михась сжал кулак, мышцы руки вздулись буграми.

Саблин косо посмотрел на Прохора. Мышцы противника для тренера рукопашки почти ничего не значили, он и сам мог свалить быка, не прилагая особых усилий, но говорить об этом другу не стал.

– Ешьте, что понравится, – повёл рукой Михась. – Салаты, грибы бочковые, сам собирал и сам солил, правда, прошлогодние, нынешних ещё нету, овощи тоже сами на огоро-

де выращиваем. А я объясню, что к чему в здешней епархии.

По словам Михаила выходило, что выжил он только благодаря коренной ломке уклада жизни. Деньги у него были, поскольку после института он занялся бизнесом – производством российских комплектующих для компьютеров и военной аппаратуры, но здоровья на «выращивание» денег уходило столько, что никакое лечение не помогало. Да и к алкоголю пристрастился.

– Спасибо, жена поняла. Рванули вместе с ней сюда из города, когда осознал: ещё полгода такой гонки – и кранты!

Переехав в Клирово, Михаил Шулёпов обжился, за год справился со страшным диагнозом – рак предстательной железы, вложил деньги в больницу и начал строить в селе то самое гражданское общество, о котором вспоминал каждый новый президент. Правда, основой этого общества он избрал не демократию, а здравый смысл.

– Демократия, по моему глубокому убеждению, – одурачивание народа с помощью народа для блага этого же самого народа. Скажете, не так?

– Согласен, – кивнул Саблин, наливая себе вторую кружку клюквенного киселя. – Хотя есть другая формулировка: демократия – это когда народ может смело посылать власть туда, где находится сам.

– Если бы всё было так просто, – фыркнул Михаил. – Посылай власть не посылай, счастливей не станешь.

– Почему же? Вверху давно действует классное правило:

чтобы сделать человека счастливей, надо у него всё отнять, а потом немножко дать. Что и происходит.

– С этим и я соглашусь.

– Надо жить по закону, – пробормотал Прохор, не ожидая, что его втянут в политический коллоквиум.

– Да я бы не против, дружище, закон справедлив, но всех посадить, к сожалению, нельзя.

В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что имел в виду Михаил под строительством нового общества «по здравому смыслу» в отдельно взятой деревне.

– Сначала я часто сорил деньгами, – говорил он. – Давал в долг, ссужал под крохотный процент, тратил на благотворительность. Однако благотворительность, как оказалось, больше рождает потребностей, чем устраняет проблем. Просители начали строить очереди, а дело не сдвигалось с места. К тому же нормального разговора с чиновниками у меня никогда не получалось, так как они смотрели на мои предложения с точки зрения личной выгоды, и если выгоды не было – никто с места не сдвигался. И тогда я предложил иной подход: не собирать справки для разрешения совершить то или иное деяние, а показывать конкретный результат, полученный втихаря.

– Это как ты лес сажал? – усмехнулся Саблин.

Михаил хохотнул.

– Было дело. – Он кивнул на окна веранды. – Лес видишь? Ему от силы девять лет, а вымахал как пятнадцатилетний.

Это лесопосадка, там край болота был и торфяники горели.

– Не может быть! – не поверил Прохор.

– Год назад после очередного пожара собрал в Лесхозе министр коллегия, человек тридцать. Стали обсуждать, что лесосохрана у нас мощная, а новые посадки погибают. Я встал и сказал, что они свои посадки по чиновничьему плану сажали, в День леса – 14 мая, когда сушь пошла, а я свои – до 4 мая посадил, когда почва ещё влажная была. Да ещё сажал по дедовскому методу.

– Это как? – поинтересовался Саблин. – Ты меня не просвещал.

– Деды «по часам» сажали. На том месте, где стрелки крепятся, дуб сажаешь, на двенадцать и на шесть часов – по сосенке, на три и на девять – ёлки. В промежутках – клён, липу, берёзу, ясень. Вот и получается такой лес. – Михаил кивнул на лесной мыс, начинавшийся от границ усадьбы.

– А чиновники как восприняли твою инициативу, не в штыки?

– Сначала презрительно репу чесали, сидят наглые молодые морды, так и двинул бы! А иногда хотелось сунуть голову в песок, как страус, и подождать, пока жизнь на Земле кончится. В общем, когда я им показал свой участок, начали соображать. Теперь у нас лучшее по России лесоразводное хозяйство.

Поговорили о больнице, открытой ещё в 1870 году, которую признали нерентабельной. Михаил просил в районе

и области отдать её ему, не отдали, разворовали оборудование, хотели продать территорию площадью в семь гектаров частным застройщикам. Но он провёл местный сход, подключил журналистов и больницу восстановил.

– Я его спрашиваю, – заметил Саблин, – зачем тебе этот геморрой с развалинами? Он ведь не только больницу отремонтировал, ещё и пионерлагерь раздолбанный восстановил. Одни растраты. Жил бы спокойно, деревья для олигархических усадеб выращивал. Так знаешь, что он ответил?

Прохор посмотрел на Михаила, вытиравшего пот со лба. Михась подмигнул ему.

– Люблю, когда меня хвалят. А насчёт затрат... это же такое счастье – что-то конкретное после себя оставить! Бесплатная больница для стариков, оздоровительный лагерь для детишек, турбаза, фермерское хозяйство, леспромхоз – двадцать гектаров лесопосадок. Вот живу и радуюсь жизни!

Прохор хотел сказать, что местная чиновничья рать наверняка имеет со всего этого свой навар. Но энтузиазм бывшего бизнесмена потрясал, и об издержках его деятельности вспоминать не хотелось.

– Да и помогать мне стали, – закончил Михаил, вставая из-за стола. – Кто деньгами, кто материалами. Добрых людей, у которых есть кое-какие свободные деньжата, в стране хватает, им просто надо показать, во что и как их вложить. Сейчас самовар принесу, у меня ещё прадедовский.

Он вышел.

Саблин отставил кружку.

– Царский кисель! Как он тебе?

– Кисель?

– Михась.

Прохор молча поднял большой палец.

– Останешься здесь на пару недель?

– На пару не останусь, максимум на неделю.

– Я уеду завтра. Ты обещал мне показать, как можно выходить из башки и бродить по «матрёшке».

Прохор покатал по столу шарик из хлеба.

– Это опасно, Дан.

– Вот тебе на! – удивился Саблин. – Сам ходишь, тебе не опасно? Если я научусь выбираться в числомиры, то смогу сопровождать тебя везде, где можно.

Прохор помолчал, посматривая на приносящий умиротворение пейзаж, прислушиваясь к далёкому пению петухов.

– Хорошо, завтра.

– Сегодня!

Прохор покачал головой, честно признался:

– Отдохнуть хочется. Сердце покоя просит.

– Как говорил один известный политический деятель, – развеселился Саблин, – сроду такого не было – и опять то же самое. Покой нам только снится.

На веранду вышел Михаил, неся двумя руками сверкающий начищенной медью самовар.

– Чаёк поспел.

– Я кисельку, – отказался Саблин.

Прохор понял, что, если откажется и он, хозяин обидится, и подвинул к самовару кружку.

* * *

До вечера они с Данимиром отдыхали, обошли окрестности села в том месте, где стояла усадьба Михаила Шулепова, и Прохор наконец посвятил Саблина в тайны «перехода души в соседние измерения».

– Помни главное, – закончил он, удовлетворённый тем вниманием, с каким Данимир прислушивался к его словам. – Алгоритм перехода передаётся элементарно, достаточно уметь концентрировать внимание и входить в трансовое состояние.

– Это часть боевых практик, – отмахнулся Саблин, – нет ничего проще.

– Начинаешь с представления геометрических фигур, входящих в композицию эргиона, создаёшь число-формо-семантическую структуру...

– Не повторяйся, я уже понял. Что главное?

– Надо научиться делать это очень быстро, как говорится – «пакетом», импульсом. Во-первых, это общее условие перехода. Во-вторых, чтобы достичь определённой числоформной композиции, соответствующей нужной числореальности, надо уметь «перелистывать» слои «матрёшки» со ско-

ростью...

– Пулемёта!

– Не ехидничай, именно так, и даже быстрее. Повторим ещё раз?

Саблин подхватился со стула, – он сидел рядом с кроватью в комнате Прохора, на которой лежал сам Прохор, – походил под его взглядом туда-сюда, сел совершенно спокойный.

– Я всё помню, но повторяю. Процесс формирования перехода состоит из пяти фаз. Первая: организация события на доречевом уровне.

– Воля.

– Фаза два: уровень мыслеформы.

– Воля – мысль.

– Третья фаза: уровень ментального моделирования.

– Абстрактно-символический.

– Четвёртая фаза: образно-символический синтез, связь цифр и форм. И пятая – выход сознания в состояние потока, проникающего в суть формы.

– Садитесь, студент, пять. По сути, это комбинация замысел – воля – мысль – объединение – решение. Подробности придётся повторять не раз. И ещё надо научиться не только погружаться в спектр числоформ, но и вовремя возвращаться обратно в тело. Оно, конечно, способно функционировать на рефлексках, но время от времени требует опорожнения от шлаков и пополнения энергоресурсов.

– То есть еды и питья. Это я понимаю. Давай попробуем?

– Тебе нужен свой эргон, этот я тебе не отдам.

– Покажи – как, я сделаю.

– Я сам тебе сделаю. Приедешь в следующий раз, он будет готов. Инструмент и материалы я взял на всякий случай.

На улице послышался звук подъехавшей автомашины, потом весёлые детские голоса.

– Михасевы детки приехали, – поднялся со стула Саблин, глянув на часы, – пошли знакомиться.

Уже после вечернего моциона, надышавшись ароматами вечерних трав, они вновь устроились в спальне Прохора с кружками свежесваренного чая.

– Хочу проверить свои силы, – заявил Данимир. – А ты проконтролируешь.

– Надо предупредить Михаила, – вспомнил Прохор.

– О чём?

– Что я иногда буду глух, слеп и нем. Час, два, а то и больше.

– Во время выходов? Да, я ему расскажу... о твоих способностях отключаться от всего мирского. Итак, меняемся местами, теперь ты учитель, а я ученик.

– Сядь поудобней, а лучше устройся на кровати.

Саблин послушно лёг на кровать поверх покрывала.

Прохор пристально смотрел на него, пытаясь вспомнить, что он забыл рассказать Данимиру. Саблин заметил это:

– Ты чего смотришь, как боксёр на соперника?

– Не получится – не нервничай.

– Хочешь сказать: рождённый ползать летать не может?

– У меня тоже не с первого раза вышло. Я вообще тогда не понял, что произошло. Хорошо, что мне помогли.

– Тот самый «странник по звёздам»?

– Кто?

– У Джека Лондона есть прекрасный роман «Смирительная рубашка», герой которого научился в тюрьме вылетать из тела и путешествовать по мирам.

– Я не путешествую по звёздам.

– Ну, я образно выразился. Кто он? Я имею в виду – в реальной жизни?

Прохор вспомнил встречу с ДД, как называли все математика Бурлюка, академика РАЕН, первым сформулировавшего законы когнитивной формологии. Они встретились в Москве, на конгрессе математиков, куда пригласили и Прохора, и Дмитрий Дмитриевич сразу понял, чем занимается молодой сотрудник Центра «Осколково». Он и дал первые советы Прохору, позволившие ему осознать впоследствии значение цифр и геометрических форм и стать формонавтом – путешественником по числореальностям.

– Он математик, академик... исчез... при странных обстоятельствах.

– Убили?

– Не знаю, больше я его не встречал.

– Поискал бы.

– Звонил, сказали, что уехал за рубеж.

– Что у тебя за характер? Всё приходится вытаскивать из тебя клещами. Давай эргион.

Прохор протянул модуль:

– Положи на грудь, накрой ладонью.

– Глаза закрывать?

– Как хочешь, необязательно. Я закрываю.

Саблин поёрзал, устраиваясь поудобней.

– Первый шаг – на одну цифру вверх, в десятку. И назад.

Правильно?

– Десятка – совершенное число, вечный цикл в Едином, символизирует идею абсолютного совершенства...

– И числовой завершённости, – закончил Саблин. – Означает небо, абсолютную полноту и возврат к единству на высшем уровне. Я помню.

Прохор сел на стул у окна, потягивая чай.

Саблин затих, положив ладонь на миниатюрную композицию – один внутри другого, тот внутри следующего и так шесть раз – многогранник эргиона. Он долго смотрел в потолок, не двигаясь, сосредоточенный на своих ощущениях, и вдруг Прохор каким-то шестым чувством угадал, что Данимир **ушёл!**

Он отставил кружку с чаем, подошёл к кровати.

Саблин дышал, но очень редко, и сердце у него работало с частотой едва ли не более тридцати ударов в минуту, и глаза глядели перед собой, но ничего не видели.

– Не торчи там долго, – пробормотал Прохор. – Испуга-

ешь «родича».

Где-то стукнула дверь, послышались голоса Михаила и его милой жены Ани. Дверь стукнула ещё раз, голоса стихли.

Донёсся взрыв детского смеха, сменился тишиной.

Дети в семье Шулеповых ложились спать не позже одиннадцати часов вечера, наступил этот момент.

Прошло пять минут.

Саблин по-прежнему не двигался.

Прохор представил себе, как он сам выглядит во время «блужданий души» по числомирам, вне тела, и ему стало неприятно. Саблин смотрелся как «живой труп», человек в коме.

Прохор хотел пошевелить его, брызнуть на лицо водой, попробовать вывести из состояния «комы», но Саблин сделал это сам.

Он вдруг глубоко вздохнул, шире открыл глаза, повернул голову, глянул на друга затуманенным взором.

– Каррамба!

– Слава богу, очнулся, путешественник, – вздохнул Прохор с облегчением. – Я уже пожалел, что согласился на эту авантюру. Получилось? Что видел?

– Офигительное ощущение! – Саблин сел на кровати, потрогал голову, помял шею пальцами. – Сначала я подумал, что ничего не вышло, но потом разобрался.

– Где оказался?

– Не поверишь, но Саблин-10 тоже сейчас в деревне, только она находится не в Рязанской губернии, насколько я понял, и называется Колионово.

– Всё правильно, жизнь близлежащих числомиров отличается незначительно. Меня видел?

– Тебя? Ах да, ты думаешь, тот Прохор был со мной? Нет, он в Суздале, они разговаривали по телефону. По-моему, я его озадачил.

– Кого?

– Десятого Данимира. Он меня почуял, когда я начал осматриваться, и бросился рьяно искать в своей голове «беса». Пришлось успокаивать.

Прохор сжал зубы.

– Как?

– Ну, я ему нашептал на ушко, что я из другого измерения, что таких, как мы, – миллионы и мы можем общаться.

– И он успокоился?

– Не совсем, хотя крепкий мужик, с рассудком у него всё в порядке. Во всяком случае, психовать он не стал, таблетки пить тоже, врачам звонить даже не подумал. Тут позвонил ты, то есть десятый Прохор, я послушал и тихо слинял.

– Я же тебя учил, как обходить сознание носителя, чтобы он ничего не почувствовал.

– Извини, растерялся, – виновато сморщился Саблин. – Дай водички.

Прохор налил в кружку родниковой воды из графина, по-

дал другу.

– Что ещё ты успел оценить?

– Деревню. – Саблин расплылся в улыбке, потряс указательным пальцем. – Мы с «родичем» выходили на улицу. Восхитительная архитектура, без дураков! Такие терема, такие шатры, такие узоры! У нас только в глубинке можно увидеть резьбу по дереву – наличники там, балясины, коники, ворота, да ещё в рисунках художников. У моей Вареньки есть альбомы старых художников, создавших целый цикл картин «Русь изначальная, дохристианская», вот примерно то же самое я и увидел. Дух захватило! Чистое барокко. Всё летит, тянется вверх, воздушное, лёгкое, красивое. А ведь на дворе 30-е годы XXI века!

– Это не барокко, – задумчиво сказал Прохор, слегка удивлённый реакцией всегда уравновешенного Саблина. – Симметрию и гармоничные пропорции пользовали и наши прадеды. Недаром десятка совершенна, потому что объединяет дух и материю. И архитектура десятого Ф-превалитета включает в себя все законы «божественных» пропорций.

– Золотое сечение?

– Золотое сечение, золотой вурф, «летающий» фрактал.

– Ты говоришь как архитектор.

– Я говорю как математик.

– В общем, кое-что я увидел, но понял далеко не всё, так что надо бы сбегать туда ещё разок. Да и «родича» – десятого Саблина успокоить не мешало бы.

– Успокойся, надо всё тщательно проанализировать. Я вообще удивлён, что ты с первого раза вернулся домой, в родного носителя. Мне это удалось только с третьей попытки.

– Ладно, давай анализировать, – согласился Саблин. – Я только за киселём схожу.

Он сунул ноги в тапки, пошлёпал к двери.

– Пока ты будешь пить кисель, я схожу в десятку, – улёгся на кровать Прохор. – Посмотрю, какую ты волну там поднял. Выясню, звонил ли десятый Данимир моему «родичу».

– Я подожду. – Саблин вышел, всё ещё находясь под впечатлением своего первого выхода в «матрёшечную» Вселенную.

Прохор погладил эргион, ощутив его слабую вибрацию, сосчитал до трёх и нырнул в «прорубь» виртуального перехода между числомирами.

Глава вторая

Второй

Давайте знакомиться

Вставать было лень.

Будильник, встроенный в изголовье кровати, вторично издал мягкий мурлыкающий звон.

– Замолкни! – проворчал Прохор, глядя на чистое голубое небо в окне, с которого сползла ночная вуаль.

Будильник обиженно замолчал.

Вспомнилось старое: лень – двигатель прогресса.

Прохор усмехнулся. Возможно, те компьютерные и кибернетические прибабасы-гаджеты в доме и были выдуманы адептами лени, однако они существенно скрашивали и разнообразили жизнь.

– Кофе!

– В постель? – вкрадчивым, исключительно мягким голосом осведомился мажордом.

– Нет, буду завтракать на кухне, через четверть часа. Кроме кофе, яичницу с беконом на два яйца и бутерброд с фи-таки. Мультисок.

– Будет сделано.

Прохор лежал ещё минуту, настраиваясь на рабочий ритм, встал и пошлёпал босыми ногами в бытовой модуль с туалетом и ванной.

Квартира у него была небольшая, двухкомнатная, но современная, напичканная гаджетами всех типов, и любой его жест или слово сопровождалось бесшумными всполохами наблюдающих и ухаживающих за домом технических систем. В 2030 году эти системы завоевали весь мир, и даже в таких небольших русских городках, как Суздаль, ими пользовались все, кто имел достаточно средств для реализации своих фантазий. А поскольку Прохор Шатаев (фамилию Шатаев он взял по матери после того, как отец, Кирилл Смирнов, бросил семью) работал ведущим специалистом студии технического дизайна «Суздалёт» при Аэрокосмической корпорации «Энергия», он мог себе позволить пользоваться встроенными в стены, пол и потолок супермодными хомерами, как называли системы датчиков и манипуляторов.

Пока он умывался, сотни белковых датчиков в зеркале, унитазе и раковине провели анализ его физического состояния на молекулярном уровне. Включённая после этого тихая музыка сообщила ему, что со здоровьем у него всё в порядке.

– Выключи, – бросил он, разглядывая себя в зеркале.

Нарциссизмом он не болел, однако за обликом следил, а так как в воскресенье он не брился – из-за той же лени, то подросшая за двое суток щетина напомнила ему о необ-

ходимости привести себя в «светское» состояние. «Модно» небритых мужчин он не уважал с детства.

Бритьё заняло три минуты. Роботами типа «универсал» с кучей манипулей Прохор не пользовался, у него была простая бритва «Руссобраун», крохотные эффекторы которой легко превращали кожу лица в идеально гладкую «пустыню».

Яичница и кофе ждали его на кухонном столе.

Здесь хозяйничал кухонный киб, имеющий свой интеллектуальный центр, а помогали ему три передвижных манипулятора. Вся система называлась «Стряпуха» и была изготовлена из отечественных комплектующих в Туле.

Прохор нацепил очки эмкана для дистанционной связи с компьютером по имени Умник, вышел в Интернет и начал листать появляющиеся тексты, проецируемые очками (система бискайп) прямо на сетчатку глаза.

Пока ел яичницу и пил превосходно сваренный кофе, успел оценить мировые новости.

Международная марсианская экспедиция готовилась к зиме на Красной планете, для чего строила подземную станцию в районе горного комплекса Эуменид. В её состав входила и платформа, созданная российскими специалистами, с которой стартовал модуль «Фобос-грунт ББ» и наконец-то достиг спутника Марса, чтобы начать его изучение.

Китайский космический зонд «Шеньчжоу-ГГ» достиг орбиты Юпитера и хотя саму планету не нашёл – она прошла

мимо двое суток назад, – это считалось великим достижением. Теперь китайцы намеревались переориентировать зонд и послать его к следующей планете – Урану.

В пустыне Такла-Макан создали первый хисторипарк, куда уже перевезли с десятков хищников юрского периода – динозавров, рептилий и саблезубого тигра, восстановленного по ДНК из найденного в тундре Юкатана трупа древнего зверя. Мода на клоны древних животных приобрела такой размах, что даже в Суздальском зоопарке появился свой мамонт. Причём красный. Назвали его почему-то Геной.

И ещё одна новость привлекла внимание Прохора: человечество готовилось полностью отказаться от нефти как источника энергии. Термоядерные установки, в том числе на холодном ядерном синтезе, почти заменили тепловые электростанции и теснили добрые старые атомные реакторы, отходы от которых превратились для руководителей всех государств мира в большую головную боль.

Дочитав новости и не особенно переживая по поводу самых острых и неприятных, Прохор натянул белые брюки с искрой, надел чёрную рубашку-апах с короткими рукавами и золотым дракончиком на кармашке, велел мажордому прибраться в доме, профильтровать воздух в квартире и спустился во двор, где его ждал самостоятельно выбравшийся из подземного гаража небольшой городской кроссовер «Нюра», выпускаемый питерской фирмой «Маруся Фоменко».

Прохор сел в машину, скомандовал:

– На работу!

– Слушаюсь, – отозвался компай приятным голоском.

Все современные машины выпускались с компьютерным управлением, и за руль можно было не садиться вовсе, автоводитель – компай, по терминологии германских разработчиков, мог довезти пассажиров до места назначения, вписанного в его базу данных. Но Прохор редко пользовался компаем, предпочитая сидеть за рулём и делать вид, что владеет ситуацией.

Точно так же он мог не появляться в студии, решая производственные задачи дома, за панелью личного компьютера. В мире повсюду пользовались виртуальными офисами, кабинетами и управляющими центрами. Однако в студии, располагавшейся на территории завода по производству вертолётот, работалось почему-то веселее, и Прохор нечасто оставался дома, прилежно добираясь до границы Суздаля на правом берегу реки Каменки.

Поездка заняла чуть больше двадцати минут.

Пробки на дорогах городов России ушли в прошлое, когда была создана единая компьютеризированная система регулирования дорожного движения, базой которой стали навигационные спутниковые сети и центры обработки данных, позволявшие без вмешательства человека мгновенно перестраивать движение таким образом, что потоки машин не нарастали лавинообразно, а управлялись в режиме реального времени как конвейеры на металлургических заводах. Давно

было известно, что люди, и в особенности инспекторы ДПС, становились для этой системы препятствием, организующим те самые длиннейшие пробки, и, стоило какому-нибудь инспектору начать «дирижировать» движением на перекрёстке, тут же движение стопорилось.

Машины пропустили на территорию завода «Суздалёт» без задержек. Пропускные пункты везде давно контролировали автоматы, а также компьютерные системы опознавания и охраны, и уже давно с заводов и фабрик вороватые сотрудники ничего не крали. Даже в России.

Студия «Дизайн-Суздалёт» занимала стеклянную пристройку к зданию заводоуправления. Сквозь прозрачные стены от пола до потолка можно было полюбоваться на цветные кубики и пирамидки разного рода производств, сборочные корпуса, на полигон для первых лётных испытаний и зелёные лесные массивы вокруг завода. Но из пятнадцати сотрудников студии практически никто не бросал взгляды в ту сторону. Заняв свои рабочие модули, отделённые иллюзорными видеостенками, они включали компьютеры и уходили в виртуальные реальности, создаваемые собственным воображением на базе рабочих программ и заданий. Отвлекаться было некогда. Рабочих мест в стране не хватало, и студийцы боялись потерять работу. Лишь в минуты отдыха, когда можно было попить кофейку или покурить, сотрудники «возвращались» из абстрактных миров и вспоминали, где они находятся в реальности.

Прохор налил себе соку, сел в кресло.

– Привет, Фома.

– Привет, – ответил компьютер, включая объёмный дисплей, который Прохор называл виомом – от слова «видео-объём». – Рабочее поле?

– Картинку, – сказал Прохор, имея в виду последнее своё «творение» – красивейшую «снежинку» фрактала.

С Фомой он не только работал, но и занимался численавтикой, находя в математических лабиринтах больше прелести, нежели в приятельских компаниях.

Ведущим специалистом он стал год назад, разработав программу для интерактивных стендов всех исторических музеев страны (началось всё с музея Суздаля). С тех пор в его планы всегда вставлялись начальством расчёты подобных стендов для учебных заведений, конференций, советов и конгрессов, что уже начинало надоедать. В настоящий же момент Прохор занимался расчётами фрактальной инсталляции развития Суздаля как базы православной архитектуры, и ему нравилось создавать виртуальные шедевры будущих панорам, где соседствовали бы и старинные храмы, и супермодерновые конструкции на основе биофрактальных сочетаний. И венцом этого процесса была математика, «царица наук», экзотические операции с числами, о которых большинство простых людей просто не имело понятия.

Именно поэтому Прохор и занялся в своё время численавтикой, наукой, опирающейся на фундаментальные свойства

чисел, ставших базой формирования законов Мироздания.

До него люди тоже занимались изучением числовых характеристик и правил, от Пифагора до Капрекара, создав астрологию и нумерологию, оставив множество найденных **ЭКЗОТОВ** – чисел, имеющих постоянные скрытые закономерности. Недаром математика знала десятки постоянных, носящих имена их открывателей: Армстронга, Грэма, Скьюза, Апери, Эйлера-Маскерони, Гельфонда, Пифагора, Капрекара и многих, многих других. Мечтал оставить своё имя в числonavтике и Прохор, всё своё свободное время отдавая этой увлекательной дисциплине.

В модуль заглянул Тимоха – Тимофей Крымский, художник, способный одним росчерком пера изобразить характерную выразительность любого человеческого лица. Ему было за пятьдесят, но выглядел он гораздо старше благодаря седой бородке а-ля Шекспир и гриве седых волос, падающих на лоб. Он участвовал во всех художественных биеннале в Суздале и Москве, был известен далеко за пределами России, но в студии к нему относились с изрядной долей скепсиса, что отражалось и на обращении к нему сотрудников; для них он был не Тимофей Львович, а просто Тимоха.

– Гуд монинг, великий трудяга, – прогундосил он. – Ты уже ботаешь. А это что за конструкция?

Прохор убрал в объёме дисплея «снежинку» фрактала под названием «звёздная пыль». В геометрических фигурах подобного рода он находил неизъяснимую прелесть и любил

усложнять их собственными построениями.

– Это кластер Коха.

– Чего?

– Был такой математик. Я тебе нужен?

Тимоха почесал за ухом.

– Понимаешь, мой приятель купил машину и теперь жаждет взять номер 666, а я слышал, что это якобы «число зверя».

– Я здесь при чём?

– Ты математик, должен знать свойства этого числа. Стоит ли его брать и цеплять как номер.

– Вообще-то, мне по фигу, но я бы не стал брать такой номер. С одной стороны, число 666 выражает высшую силу и качество, с другой – усиливает двусмысленность и лживость. В сравнении с цифрой семь, считающейся священной, шестёрка выражает неполноту и ущербность.

– Почему?

– Шесть – это семь минус единица. Как говорят эзотерики, на нём поэтому лежит какая-то тень.

– То есть ты против.

– Я тебе уже ответил, да и не я решаю, – флегматично пожал плечами Прохор. – Число шесть считается не достигшим совершенства, не содержит божественное, а повторенное три раза вообще символизирует дьявола. В нём человек сам себя ограничивает самим собой.

– Мрак! И ты так считаешь?

– Я не эзотерик, не каббалист и не мистик, я математик. Мне интересны свойства сочетаний шестёрок в приближении к геометрии и физике Вселенной.

– Высоко берёшь. Ладно, я понял, вечером загляну к тебе, ты меня заинтриговал.

Тимоха, одетый в светло-коричневый вельветовый пиджачок и рубашку, распахнутую чуть ли не до пупа, испарился.

Проход снова вывел в объём дисплея «снежинку Коха», полюбовался рисунком ветвей, мысленно нарастил белоснежные чешуйки, выращивая «деревце», потом переключился на задание – завершить дизайн корпуса перспективного скоростного вертолётa «Суздаль». Вертолёт должен был летать со скоростью до восьмисот километров в час, подниматься чуть ли не в стратосферу и нести на борту до десяти пассажиров. Задача была интересной, так как имела не одно решение, и Проход занимался расчётами с удовольствием.

Внезапно прозуммерила клипса мобильного айкома в ухе.

Не включая весь модуль коммуникатора, запрятанный в часах фирмы «Phosphor», Проход одним пальцем выщелкнул из клипсы усик микрофона, придвинул к горлу.

– Слушаю.

– Доброе утро, творец моего настроения, – прозвучал в наушнике нежный голос Устины. – Могу я тебя увидеть?

Проход поколебался долю секунды, так как уже настроился на включение в рабочий процесс, но обижать девушку не хотелось, и он поставил перед собой на столе пластину

айкома, соорудившего виртуальную панель связи.

Над светящейся шишечкой айкома выросла световая нить, развернулась лепестками веера, превратилась в головку Устиньи. Девушка была натуральной блондинкой, и её волосы всегда светились, как под лучами солнца.

– Привет, – сказал он. – Я уже влез в Сеть.

– Извини, я на минутку, – смущённо сморщила носик Устинья. – У Феоны сегодня день рождения, пойдём вместе? Подарок я уже купила.

Прохор обратил внимание на просящие нотки в голосе подруги, понял, что может отказаться.

Устинья редко разговаривала так с другими, будучи особой решительной, волевой и независимой. Недаром она считалась одним из лучших скайдайверов и бейсджамперов⁷ России. Она прыгала с парашютом как с самых высоких зданий мира, так и с виадуков типа французского Мийо⁸ и различных скальных стен. Однако главным её занятием были полёты на углепластиковых крыльях через известные проливы – Ла-Манш, Ормузский, Скагеррак – и прыжки с высотных аэростатов, достигающих рекордных на сегодняшний день высот.

На её счету был и самый скоростной, наравне с самым

⁷ **Скайдайвинг** – «ныряние в небо», вид экстремального спорта, прыжки с парашютом с больших высот. **Бейсджам-пинг** – экстремальный вид спорта, в котором используется специальный парашют для прыжков с фиксированных объектов.

⁸ **Мийо** – высота 340 м.

затяжным в истории скайдайвинга России, стратосферный прыжок с высоты сорок километров. И при этом Устинья Бояринова была хрупкой девушкой, красивой, безупречно сложенной и исключительно привлекательной.

Познакомил их Данияр Саблин, друг Прохора, три года назад, и встречались они часто, но речь о совместной семейной жизни не заходила. Прохору и так жилось хорошо.

Характер у него был задумчивый, философского склада, не склонный к импульсивности, терпеливый и необидчивый, поэтому драйва он не жаждал, собственную позицию отстаивал редко, был уравновешен и больше уступал, нежели настаивал на своём. Но уж если решил что, сдвинуть его с этой точки зрения было невозможно. А из всех видов спорта он предпочитал шахматы. И биатлон. Правда – преимущественно смотреть.

– Что молчишь? – не поняла Устинья. – Перезагрузись.

– Я сегодня вечером рассчитывал сходить к родителям, – признался наконец Прохор.

– Незадача, – погрустнела девушка. – Я рассчитывала, что ты будешь свободен.

– Давай завтра встретимся, в кафешке посидим на набережной.

– Завтра я улетаю.

– Куда?

– В Тролтиндене собираются знаменитые бейсеры, состо-

ится второй чемпионат мира по вингсьюту⁹. Я в команде.

– Тролтинден – это где?

– В Норвегии, в районе Рамсдаль. Там есть роскошная горная Стена Троллей.

– Круто! Ты там уже прыгала?

– Нет, с самой стены не прыгала, но была в Транго Тауэр в Пакистане, это примерно то же самое.

– Когда вернёшься?

– Не знаю точно, наверно, через неделю.

– Ладно, удачи.

– Значит, сегодня мы не увидимся?

– Понимаешь, – он замолчал, не зная, какую причину придумать.

– Не жуй кашу! – рассердилась Устинья. – Не хочешь – так и скажи, я одна пойду к Феоне. Или с Глебом. Пока.

– Подожди, – спохватился он, услышав имя Глеб, но остановить её не успел, трепетно-прозрачное личико Устиньи исчезло, она выключила бискайп.

Проход немного расстроился, хотя и не надолго. Во-первых, он знал, что Устя отходчива и не умеет долго обижаться. Во-вторых, его ждала интересная возня с формулами и числами, и это казалось важнее, чем обиды подруги.

Через минуту он погрузился в мир геометрических построений, затягивающих человека не меньше, чем наркотик

⁹ **Вингсьют** – костюм-крыло, имеются в виду прыжки с вингсьютом, разновидность прыжков с парашютом.

традиционного происхождения.

Очнулся к обеду, с удовлетворением посмотрел на своё творение – изумительно выпендрёжный хищный корпус нового вертолёта. Для его создания потребовались не только математические способности, но и знание электроники, компьютерной техники, аэродинамики и теории конструирования, а также технологии изготовления машин подобного класса, требующих иных источников энергии, более мощных, чем бензин и керосин. Тем не менее Прохору всего за три месяца удалось создать концепт, который не стыдно было представить на конкурс.

В модуль заглянул шеф студии Рельсин Марк Ермолаевич; сотрудники за глаза его звали Шпалой.

– Ну, как дела, фантазёр?

– Голова пока цела, – сострил Прохор, откидываясь на спинку кресла и стягивая с головы дугу эмкана.

Телепатические системы управления – эмканы вошли в моду недавно, однако существенно облегчили и ускорили связь с компьютером.

– Да! – с чувством проговорил шестидесятилетний Шпала, всматриваясь в объём дисплея. – Не зря я тебя готовлю на премию.

– Кого ж ещё, – отпустил ещё одну шутку Прохор.

Шпала не отреагировал, ещё какое-то время разглядывая его творение, похлопал по плечу и убежал.

Прохор сходил в общий хозблок, попил кофе, поболтал

с девочками-на-побегушках, как все называли женский triumvirat студии, – секретаршу, бухгалтера и юриста, пообещал всех в скором времени угостить шампанским и вернулся на рабочее место.

Пришла мысль позвонить Устине, извиниться и сообщить, что он передумал.

Однако мысль не нашла отклика у соседей, занятых креативными размышлениями, и о своём желании он благополучно забыл.

Вспомнил под вечер, когда садился в машину.

Сначала ему показалось, что зазвонил телефон. Он даже постучал по клипсе наушника.

Телефон молчал, зато стало казаться, что на него кто-то смотрит.

Прохор оглянулся и встретил взгляд Прыщика, как в студии прозвали Костю Шишканова, штатного программиста. Прыщику исполнилось двадцать шесть лет, был он горяч и самолюбив, хвастался тем, что может расколоть защиту любой компьютерной сети, но за самолюбие и отсутствие меры буквально во всём его никто не любил. Хотя специалистом он был действительно хорошим.

Прохор хотел помахать ему рукой – раз уж увидел, но Прыщик почему-то сделал вид, что не узнал коллегу, отвернулся и сел в подъехавший золотистый внедорожник «Ниссан Жук». Внедорожник тут же уехал.

«Ну и фиг с тобой, – меланхолично подумал Прохор,

устраиваясь на водительском сиденье собственного авто. – Не очень-то хотелось с тобой трепаться».

Однако «Жука» золотистого цвета он увидел ещё раз, когда выходил из машины во дворе своего дома. Удивился, вспоминая, где он только что встретил кроссовер.

«Следит он за мной, что ли?» – пришла неуверенная мысль.

«Ага, нужен ты ему как дельфину зонтик», – отозвалась другая мысль, формирующая характер. Он с детства научился задавать вопрос: на фиг это кому нужно? – пока в душе не сформировался поведенческий комплекс пофигизма, усиливший природную флегму. Хотя совсем уж чёрствым он не стал, не всегда, но всё-таки отзываясь на порывы души помочь кому-нибудь.

Водитель «Жука» словно почувствовал взгляд Прохора, сдал назад, и кроссовер скрылся за соседним домом.

Прохор поднялся на второй этаж, открыл дверь, прикоснувшись ладонью к сенсору замка, умылся, предвкушая диалог с компьютером, который никогда не задавал ему лишних вопросов. Снова мелькнула мысль позвонить Устинье, и снова не задела центров реализации, оставаясь философской возможностью в любой момент осуществить намерение.

Мажордом сварил кофе.

Потягивая ароматный, с лёгкой кислинкой напиток, Прохор сел за стол в кабинете, в который он превратил небольшую гостиную, включил компьютер.

– Привет, – сказал Умник своим «живым» архивежливым голосом.

Прохор хотел скомандовать ему: сегодня продолжим разработку алгоритма призмы – имея в виду под этим термином способ разложения чисел на естественные спектральные числовые составляющие, но внезапно кто-то окликнул его.

Он в недоумении оглянулся.

В гостиной никого не было. Тихо тикали старинные маятниковые часы на стене, подарок деда. В окно светило вечернее солнце, готовое скрыться за шеренгой домов, с улицы сквозь окно доносился шелест проезжавших мимо дома машин. Привычная уютная обстановка, располагающая к отдыху. Неужели почудилось?

– Умник, ты звал? – спросил Прохор на всякий случай.

– Нет, – ответил компьютер.

«Я звал», – раздался в голове далёкий и одновременно **ощутимо** близкий голос. Он звучал непосредственно внутри головы.

Прохор замер. Никогда в жизни ему не приходилось слышать «потусторонние» голоса и сражаться с галлюцинациями. Он не курил «травку» и тем более не кололся, жизнь была насыщена интереснейшими вещами и без этого. Но ведь голос не возник ниоткуда? Кто-то произнёс эти слова: «Я звал»?

– Кто... ты?

«Прохор Смирнов, – ответил невидимый собеседник. –

Если не станешь психовать и вызывать врача, я всё объясню».

– Н-не стану... Где вы? Выходите.

Послышался смешок.

«Я уже вышел, внутри тебя. Теперь слушай. Или тебе всё-таки понадобится успокоительное?»

– Н-не понадобится.

«Великолепно! Тогда вникай, рассказ займёт какое-то время, а потом я тебе сброшу файл инфы, которая станет твоей базой данных. Мне понадобится твоя помощь, а тебе, возможно, моя».

– Вы... ты... Смирнов – это фамилия...

«Твоего отца, знаю, в моей числореальности фамилия осталась той же, это ты здесь взял фамилию мамы. А вообще мы родственники».

– Что?!

«Не ори, учись говорить мысленно. Мы родственники в каком-то смысле, так как реализуем в числоформном спектре одну родовую, то есть трансперсональную линию. Ты живёшь во втором Ф-превалитете, я в одиннадцатом, но по сути мы – один и тот же человек. Мы даже не братья, мы – ближе».

– Бред! – очнулся Прохор.

Раздался знакомый смешок.

«На твоём месте я реагировал бы точно так же. Готов меня слушать?»

Прохор залпом допил кофе, не чувствуя его вкуса, унял

дрожь в руках, сел поудобней.

– Валяй.

«Ещё раз советую – научись говорить со мной телепатически, мысленно, иначе люди вокруг примут тебя за шизоида. Да и не безопасно это. Итак, вот моя история».

И Прохор услышал такое, отчего у среднестатистического российского обывателя съехала бы крыша, либо он вообще ничего бы не понял.

«Поэтому я здесь, – закончил Прохор-11 будничным тоном, словно читал главу из книги. Там я изгой, здесь меня, то есть нас, никто не знает как формонавтов. И, надеюсь, не узнает».

– Как ты... – начал было Прохор, потом вспомнил совет, с усилием перешёл на мысленное общение: «Как ты там устроился?»

«Что значит – как?» – не понял вопроса одиннадцатый.

«Ну, внутри меня...»

«А вот этого я тебе объяснить не смогу. Сам не сильно понимаю, каким образом моя душа оказывается в черепках моих «родичей». Оседает бесплотным облаком как пси-полевой кластер, при определённом манипулировании числами и символами. Я тебя научу».

– Я ещё ни разу... «Прости, не привык. Я ещё ни разу не бродил по числам... то есть по числомирам».

«Процесс увлекательный, хотя я не уверен, нужно ли тебе это умение. Охотники везде понастроили систем наблю-

дения, сидят как пауки, ждут добычу, формонавты для них – что шпионы для контрразведчиков. Они гоняются за нами без устали».

«Почему?»

«Видимо, мы представляем для Владык Бездн какую-то опасность. Тем, что знаем суть Бытия. Чем-то ещё. Долго рассказывать».

«Значит, если я не сунусь в эти... измерения, меня не тронут?»

«Не знаю, – честно признался Прохор-11. – Хотелось бы верить».

«Бред!»

«Не повторяйся, что ты заладил одно и то же? Я плохо объяснил тебе наше положение?»

«Твоё положение».

«Ошибаешься – наше! Хорошо, что я предупредил тебя, а то бы ты никогда не врубился, что происходит, особенно в случае появления в вашем превалитете Охотников».

«И что они сделают?»

«Боюсь, ничего хорошего. Сотрут память, изуродуют психику, лишат способности соображать, убьют, наконец! Всё, что угодно!»

«Но ты им ничего не сделал!»

«Я умею то, чего не должен уметь. Я видел то, чего не должен был увидеть».

«Может, я всё-таки чокнулся? – робко подумал Прохор. –

От занятий числонавтикой? Разговариваю сам с собой...»

«Почему бы не поговорить с умным человеком? – пошутил Прохор-11. – Я – это ты, ты – это я. Отличная компания! Вселенная устроена сложнее, чем ты думаешь. Все цифры и числа организуют превалитеты своих форм, свою геометрию. Каждой формой управляет своя цифра или число. Первоцифры – от единицы до девяти – абсолютны, то есть дают реальный материальный спектр, остальные – менее плотный и квазиустойчивый».

«Чем больше число...»

«Тем менее устойчива числореальность. Переход с одной цифры на другую даёт переход из пространства с одними законами и геометрией в пространство с другими константами взаимодействий. Рядом стоящие превалитеты различаются мало, но чем ниже – по увеличению числа, тем больше меняются физические законы. Я путешествовал сотни раз и видел удивительные вещи».

«Тогда и я хочу».

«Не торопись, всему своё время».

«И везде есть Прохоры Шата... Смирновы?»

«Везде! Трансперсональные генетические линии пронизывают все слои «матрёшечной» Вселенной. Наши предки знали это, потому и зашифровали знания в игрушках типа матрёшки и Змея Горыныча, а также в былинах. В глубинах Бездн изменяются даже такие параметры, как форма тела существа. Если в начала спектра я был человеческим су-

ществом, то после шеститысячного превалитета я могу оказаться кем угодно, даже крокодилом».

«Шутишь?»

«Ничуть. Многообразие всех форм одного и того же тела образует непрерывное множество или ещё одно символическое измерение, для каждого объекта – своё, в котором этот объект может существовать физически. А цифры и числа структурируют не отдельные объекты, а пространство, вакуум, понимаешь?»

«Значит, в числомирах с большим превалитетом кресло, в котором я сижу, имеет другую форму?»

«Совершенно верно, в соответствии с законами того мира. И остальные предметы тоже. Я не проверял, но, возможно, когда-нибудь проверю. Короче, формонавт переходит в разные подпланы Бытия, где действуют другие законы взаимодействий. Это главное, что ты должен помнить».

«А если меня... или тебя... убьют? Линия прервётся?»

«Молодец, креативно мыслишь. Нет, похоронят одного Смирнова в родном Ф-превалитете, остальные останутся в своих».

«Как же ты в таком случае попадёшь в тот числомир, если «родич» мёртв?»

«Не попаду, но останутся ещё сотни, тысячи других «родичей» в других числореальностях. Но вопрос интересный, я пытался решить его, экспериментируя с переходом в другие живые объекты, но не преуспел, не было времени».

«Понятно. Значит, я чуть-чуть не дошёл до твоих открытий. Но я никогда не думал о формологии...»

«О формонавтике? Формологией и у вас интересуются. А формонавтикой, объединяющей обе науки, формологию и числонавтику, занимаются единицы. Я вообще знаю только одного человека, академика Дмитрия Дмитриевича Бурлюка. Точнее – знал».

«Он погиб?»

«Исчез. Ну что, отдохнёшь?»

Прохор почувствовал озноб. Количество полученной информации превысило предел осмысления. Запасы удивления, неприятия и сомнений кончились, наступила апатия, навалилась усталость.

«Да, пожалуй».

«Отдыхай, поговорим завтра».

«Червячок» голоса «родича» из параллельного одиннадцатого измерения, заползший в голову, растаял.

Прохор очнулся, поднял голову и не поверил глазам.

В комнате было темно.

За окном наступила ночь.

Он просидел в кресле перед включённым компьютером больше четырёх часов!

Не пытаясь оценить свой первый опыт общения с самим собой, он поплёлся в ванную, искупался и рухнул в кровать.

Последней мыслью была мысль поговорить с Даном Саблиным, рассказать ему о своих «контактах второго рода».

Через минуту спасительный сон смежил веки.

Пленница свободы

Свой двадцать восьмой день рождения Феона справляла в загородном домике родителей, расположенном на берегу небольшого озера Светлое в пятнадцати километрах от Суздаля. Домик коттеджем назвать было трудно, потому что ему было полвека и принадлежал он кооперативу «Каменковский», созданному ещё в прошлом веке.

Родители Феоны уехали в город.

На даче собралось пятнадцать человек, в том числе – шесть из группы Глеба Мисюры, включая саму Феону и Устинью. Глеб руководил российской командой бейсджамперов уже четыре года и был самым старшим из группы: ему исполнилось тридцать четыре года.

Он, конечно, знал о существовании Прохора Шатаева, к которому Устинья была равнодушна, поэтому хотя и пытался с ней сблизиться, но делал это ненавязчиво и деликатно. Из каких-то источников он хорошо представлял себе характер Прохора и верил, что Устинья, девушка красивая и неглупая, разберётся, где её настоящее счастье. Он ждал.

Не раз об этом заговаривала и Феона, с которой Устинья дружила с института: обе заканчивали физкультурный институт по классу паркура. Так было и в этот раз, когда гости разъехались поздно ночью по домам и подруги остались вдвоём.

– Ну что ты за него держишься? – возмутилась Феона, статная высокая брюнетка с короткой стрижкой. – Он же самодовольный и вялый, как... как собачье ухо! Даже фамилия у него Шатаев, что совершенно точно отражает натуру.

Устинья перевернулась на бок, улыбнулась.

– Ты его мало знаешь. Он умный.

– Умный! – фыркнула Феона. – Этого мало, девочка моя. Он просто себе на уме и всегда думает только о своей математике.

– Не всегда, – покачала головой Устинья. – Шатаев он по матери, по отцу Смирнов.

– Что в лоб, что по лбу!

– Не говори так. Родственники у него Морозовы.

– Вот видишь? Законченный родовой тупик: Шатаевы, Смирновы да ещё Морозовы! Чтобы он думал больше о других, его надо вскипятить.

– Как? – удивилась Устинья.

– Ограничить, не давать, не подпускать к себе.

– Да люблю я его, Фея, понимаешь? Поссоримся – я первая бегу через день мириться. Если он хочет близости – да вот она я! Хочу того же. Почему я должна его ограничивать? А после близости и остальное приятно, интересно и необходимо. Да, он математик, и для него численавтика важнее в жизни, чем я. Но так хочется верить, что он наконец повзрослеет и станет...

– Кем?

– Мужиком, – грустно улыбнулась Устинья. – Я ведь ему только добра хочу.

– Навязанное добро – зло.

– Я не навязываюсь. Он без меня проживёт. А я без него...

– Что ты всё за упокой? – снова рассердилась Феона. – Да, он у тебя смазливый, ходит красиво, но ведь и ты не дурнушка? Вон как Глеб за тобой увивается! А он посерьёзней твоего математика будет. Брось его, хотя бы на время, поживи месяц свободно, сам прибежит.

– Свободно я не умею. Как сказал поэт:

Я – узница свободы,
Ты пленник вечной Тьмы.

– Тем более его надо бросить, – вздохнула Феона, обнимая подругу. – Стихи – это хорошо, только в жизни всё гораздо прозаичней и проще. У меня тоже был свой математик.

– Коля? Он же был электронщиком.

– Какая разница? Отношение ко всему было таким же, как у твоего Проши. Не успели мы с ним пожить нормально, и так радости мало. – На глаза Феоны навернулись слёзы.

Устинья погладила её по голове, сама с трудом сдерживая слёзы.

Николай, друг Феоны, погиб год назад в автокатастрофе, с тех пор она не ждала от жизни ничего хорошего.

– Не жалей о том, что радости мало, этим ты приобретёшь

ещё одну печаль.

Феона улыбнулась сквозь слёзы.

– Так и будем друг дружку утешать, то я тебя, то ты меня. А насчёт своего Прохора подумай, ему действительно многого не хватает.

– Ему не хватает одного: он меня не любит.

– Вот и уходи от него, – решительно махнула рукой Феона. – Глаза голубые, улыбается приятно, носит классные костюмы, а характер – обнять и плакать!

– Костюмы он носит от Ральфа Лаурена.

– Вот-вот, костюмы от Лаурена, рубашки Барбери, галстуки Мачинелла, мокасины Людвига Рейтера, не говоря уже о ремнях Мальберри, но по мне уж лучше демократическая джинса, что носит Глеб.

– Они совсем разные. Я и сама люблю стильную одежду.

– От Валентино, – хмыкнула Феона. – Я, что ли, не люблю? Это нормально для женщины, и очень подозрительно, если мужик так тщательно одевается. Что он скрывает?

– Что он маньяк, – предположила Устинья.

Феона засмеялась.

Устинья засмеялась тоже, чувствуя, как становится легче, обняла подругу. Долго печалиться было не в их природе.

Уже собираясь уходить, через час лёгкой болтовни и воспоминаний, Феона задержалась на пороге комнаты.

– Что ты там говорила, чем занимается твой Проша?

– Числовантикой.

– С чем её едят? Это раздел математики?

– Он фанат, много раз рассказывал о свойствах экзотических чисел, знает все их смыслы и тайны. Знаешь, это довольно-таки интересно.

Феона презрительно повела плечиком.

– Математика никогда не входила в круг моих любимых предметов. В школе я больше любила географию. Ну, спокойной ночи и приятных снов. Выкинь его из головы.

Дверь закрылась.

– Легко сказать – выкинь, – грустно прошептала Устинья, воскрешая в памяти лицо Прохора.

С его рассеянным взглядом – он так смотрел на всех – она и уснула.

Я тебе верю

Совладельцу спортклуба «Чемпион» можно было и не вставать в половине седьмого утра, но Данияр Саблин, чемпион Казахстана по боям без правил, а потом и чемпион России, привык вставать в это время и легко поднялся на кровати, опередив будильник ровно на три секунды.

Фамилией Саблин он был обязан отцу, именем Данияр – матери, которая принадлежала к тому же роду, что и нынешний президент Казахстана.

Впрочем, на судьбе Данияра это не сказалось никак. Закончив университет в Астане, приближенным к властной структуре Казахской республики он стать не мечтал, а характер взял от обоих: от отца – решительность, упрямство в достижении цели, хладнокровие и реактивность, от матери – терпение, уважение к старшим и великодушие.

По утрам он бегал по набережной, любуясь рекой и зелёными насаждениями вдоль берега.

В начала восьмого принял душ, переоделся, позвонил Валерии:

– Доброе утро. Не разбудил?

– Завтрак готов, заходи, – ответила подруга, жившая в соседнем доме, напротив Никольской церкви.

Она работала в МЧС, командовала отрядом спасателей суздальского Центроспаса и была особой очень своенравной.

Данияр давно предлагал ей начать совместную жизнь, но Лера почему-то не спешила обзаводиться семьёй, каждый раз ссылаясь на важные, по её оценке, обстоятельства. Основным доводом девушки было утверждение, что она практически не живёт дома, пропадая по делам днями и неделями.

– Ты не выдержишь, – безапелляционно говорила она, – сбежишь через месяц.

Данияр возражал, обижался, сердился, потом смирился, понимая, что его настойчивость может восприниматься отрицательно: Лера слишком любила независимость. Ситуация складывалась уникальная: он хотел жениться, сыграть свадьбу, она не хотела. В то время как у друга Данияра, Прохора, всё было ровно наоборот: Прохор встречался со своей девушкой Устиньей давно, однако предлагать руку, сердце и совместную жилплощадь не торопился.

Лера ждала Саблина в дверях, одетая по-походному.

Чмокнула в щеку, протянула ключ.

– Извини, тревога, пожар в торфянике у Змеихи, объявлен сбор. Позавтракаешь, закроешь квартиру. Посуду мыть не надо.

– Но мы бы успе... – начал ошеломлённый Саблин.

– Всё, прости, не хочу опаздывать, созвонимся. – Лера ещё раз поцеловала его и исчезла за дверью. Торопливо простучали каблучки по ступеням лестницы, и всё стихло.

– Вот и вся любовь, – глубокомысленно проговорил он, глядя то на дверь, то на ключи в руке. – Созвонимся. Когда?

На кухне его ждала творожная запеканка, сметана, холодное молоко в чашке, как он любил, сыр и горячий зелёный чай.

– Комильфо, – хмыкнул Саблин, разглядывая стол. – Но если честно, стандарт. Придётся твою «Стряпуху» учить по утрам готовить более разнообразно.

Запеканку тем не менее он съел, посмаковал зелёный чай с лимоном, прибрал на кухне, так как везде любил порядок и чистоту, закрыл дверь за собой и поехал на работу.

Ездил он быстро, не прибегая к помощи компа. Современные компьютерные системы управления, которыми теперь снабжались выпускаемые автомобили, заботились прежде всего о безопасности пассажиров, поэтому соблюдали все правила дорожного движения, отчего средняя скорость потоков машин в городе не превышала тридцати километров в час.

Кто любил езду погорячее, отключал компа и водил авто вручную, хотя тоже вынужден был ездить почти с той же скоростью, так как за дорогами вёлся постоянный телекамерный контроль.

Саблин лихачом не был, однако его спортивный «Киа-Вондер» требовал другого подхода, и он, где можно, включал режим «аллюра», пользуясь услугами антирадар «Стингер-200». Изредка он всё-таки не успевал вовремя сбросить скорость на дорогах Суздаля, но «письма счастья» его обходили, потому что в ГИБДД города работали родственники

Данияра, знавшие о его пристрастиях.

Счастливо избежав встречи с инспекторами и на этот раз, он припарковал машину в подземном гараже спортклуба и поднялся на последний – тринадцатый этаж, где располагался офис управляющего.

Секретарша Света уже работала. То есть сидела с деловым видом у объёмного дисплея и рассматривала какие-то модные женские костюмы. Увидев входящего босса, она не смутилась, просто переключила новостной канал.

– Китайцы высадились на Луне, – сказала она радостно. – Здравствуйте, Данияр Тимофеевич. Кофе?

– Как всегда, с лимоном, – сказал Саблин, проходя в кабинет, который он делил с совладельцем клуба Женей Дряхловым – в целях экономии. Клуб почти не приносил прибыли, и уже давно Женя предлагал организовать на его территории кафе или ресторан, хотя бы безалкогольный.

Света принесла кофе, вазу с конфетами, кокетливо поправила прядку мелированных волос. Она была симпатична и исключительно сексуальна, к тому же ещё и заботлива, но Саблин держал её на расстоянии, редко отвечая шуткой на её игривый тон. Он был однолюб, в отличие от компаньона, и образ Леры в памяти не тускнел никогда, кто бы ему ни улыбался.

Забот и проблем у руководства клуба хватало, и не все они относились к организации тренировок и соревнований. Хозяйственной деятельностью занимался Евгений, будучи

в хороших отношениях с администрацией города и местными бизнесменами. Саблин же организовывал процессы тренировок разных видов спорта и устраивал состязания, приглашая спортсменов не только из района и области, но и из Москвы, из других городов и из-за рубежа. Особенно ему нравилось организовывать матчи сборных России и других стран по боям без правил, в которых он сам принимал участие.

Однако этим утром позаниматься делами ему не пришлось.

В половине десятого внезапно позвонил Прохор Шатаев. Он был хмур, озабочен и сосредоточен.

– Привет, чемпион. Можешь приехать?

– Я занят, – сказал Саблин. – Могу подъехать вечером, после работы.

– Ты мне очень нужен.

– Что случилось?

– Не по телефону.

– С тобой всё в порядке? – забеспокоился Саблин. – Выглядишь как после автоаварии. Или с твоими что?

– Нет, все здоровы, – мотнул головой Прохор, не реагируя на тон друга. – Хотя, может быть, у меня с головой что-то. Приедешь, сам оценишь.

– Да что с тобой? – не на шутку встревожился Данияр. – Может, врача вызвать?

– Когда ждать?

– Врача?

– Дан, мне не до смеха. Когда приедешь?

Саблин посмотрел на разложенные по столу бумаги, на схему в объёме дисплея, показывающую взаимодействие спортивных организаций Суздаля, но отказывать другу не решился.

– Через минут сорок тебя устроит?

– Жду, я дома. – Видеообъём айкома погас.

– Какая муха тебя укусила? – выпятил губы Саблин, размышляя над словами и поведением Шатаева. – Первый раз я вижу тебя таким взъерошенным. Математики такими быть не должны.

На сборы ушло три минуты.

Саблин сказал Светлане, что вернётся после обеда, попросил объяснить Евгению, что убыл по делам в исполком Федерации тенниса, и спустился к машине.

Прохор Шатаев жил в новой семнадцатизэтажке, формой напоминавшей не то корабль, не то уютюг. Этот стеклянный сверкающий «уютюг» был виден издалека, и многие жители города завидовали владельцам квартир необычного здания. Но Саблин знал, что строили его наспех и недоделки вскрывались каждый год: то щель появится в стыках между плитами либо под пластиковыми подоконниками, то протечёт труба, то засорится унитаз. Правда, Прохору повезло, его квартира дополнительного ремонта пока не требовала.

Математик встретил его в шортах и шлёпанцах. Он по-

прежнему был хмур и рассеянно озабочен.

– Нет, ты всё-таки заболел, – решил Саблин. – Первый раз вижу, чтобы у тебя не был включён комп.

– Сядь, – сказал Прохор.

– Ты меня пугаешь. Убили кого? Тебя бросила Устя?

– Устя улетела в Норвегию на чемпионат.

– Ты с ней поссорился?

– Нет... почти...

– Почти? Снова обидел?

– Помолчи, – поморщился Прохор. – Ты мне просто не поверишь.

Саблин внимательно посмотрел на друга. Он действительно видел его таким растерянным впервые в жизни.

– Рассказывай.

– У меня был гость.

– Я его знаю?

Прохор криво улыбнулся.

– Как меня. Его зовут Прохор... Прохор Смирнов.

– Тёзка? – не понял Саблин.

– Это Прохор-11, почти что я сам. В своей числореальности он тоже математик, но работает в лаборатории метаматериалов, а не в студии технического дизайна.

– Что ещё за числореальность такая? Он тоже занимается числонавтикой, как и ты?

– Он занимается формологией, а теперь ещё и формонавтикой.

– Ничего не понимаю. Откуда ты его знаешь?

Прохор глубоко вздохнул, дёрнул себя за вихор, снова пошёл кругами по комнате.

– Он – это я, только из другого измерения, если хочешь. Теперь слушай и не перебивай.

Саблин сел.

Прохор какое-то время ходил по гостиной, дотрагиваясь рукой до мебели, потом начал рассказывать о визите гостя, которого назвал Прохором-одиннадцатым.

Рассказ длился полчаса.

Саблин слушал с непроницаемым лицом, не сделав ни одного жеста.

Прохор выдохся.

– Закончил? – подождал продолжения Саблин.

– Да. И я не псих!

– Верю. Но у меня появились вопросы. Насколько ты сам в теме?

– Если ты о формологии...

– О жизни твоего одиннадцатого.

– Ну, сколько он мне сообщил, столько и знаю.

– Давай начнём с математики. Объясни мне главное – суть происходящего. Какого дьявола понадобилось твоему «брату-близнецу» из соседнего измерения заявляться к тебе? Что ему нужно?

– За ним гонятся Охотники.

– Это я понял. Что за Охотники, почему гонятся?

– Хорошо, давай сначала, с математики. – Взгляд Прохора прояснился. – Суть происходящего в следующем. Все цифры и числа организуют превалитеты геометрических форм, а глобально – пространственно-временные континуумы. Эти континуумы образуют нечто вроде многослойной «матрёшки» пространств, что и есть Вселенная. Мы живём в Ф-превалитете под номером два, мой гость – в одиннадцатом превалитете, где командуют парадом изменённые по отношению к нашим физические законы. А законы эти формируются геометрией взаимодействий. Если в нашем числомире главная геометрическая форма – тетраэдр, то в одиннадцатом – конгломерат фигур – тетраэдр, куб, гептаэдр, связанные фигурой одиннадцатигранника. Плюс заключённые в цифрах сакральные свойства данной реальности – символические смыслы и действия. Уяснил?

– Нет.

– Хорошо, попроще. Версии реальности зависят от чисел и цифр, несущих алгоритм самопроизводства и развития жизни.

– Теперь понял. Но кто задаёт законы формы в каждом слое «матрёшки»?

– Отличный вопрос! Ты быстро ориентируешься.

– Учусь у тебя.

– Я не успел расспросить своего «брата-близнеца», кстати, там у него фамилия Смирнов... ах да, я уже говорил. Должен быть какой-то задатчик форм и констант.

– Программа.

– Базовые параметры задают цифры, а они не являются ни программами, ни реализаторами континуумов. Должен быть именно командер, задатчик развития. Если мой «брат» появится, я спрошу у него.

– Как он это делает – внедряется в мозги?

– Он владеет встроенным в психику механизмом числовой призмы.

– Чем?

– Умеет волевым усилием менять-разлагать спектры чисел и попадать в соседние числомиры. Этот способ он называет формонавтикой. И ещё у него есть эргион.

Саблин наморщил лоб в усилии понять смысл термина, и Прохор добавил:

– Энергоинформационный модуль, помогающий ему настраиваться на переход в соседние «слои матрёшки». Он иногда называет его инфобиотонем. Я понял, что это такое, можно будет соорудить нечто подобное из обычных деревянных палочек.

– Ты хочешь попробовать делать то же, что и он?

– Почему бы и нет?

– Рисковый парень! А если нарвёшься на этих самых Охотников? Кстати, кто они такие? Чем грозит встреча с ними?

– Насколько я понял, Охотники исполняют приказы каких-то Владык. Прохор назвал их Владыками Бездн. Что под

этим подразумевается, понять было трудно. А вот почему они гонятся за ним, я уточнить не успел.

– Может, твой «брат» что-то натворил?

Прохор перестал мерить шагами комнату, удивлённо посмотрел на Данияра.

– Я не подумал. Хотя... нет, не верю, он не производит впечатления преступника.

– Ты посмотри, кто у нас сидит за решёткой: редкая морда производит впечатление преступника. А вот во власти их несметное количество, если судить по сытым рожам.

– Не обращал внимания.

– Обрати как-нибудь. Теперь такой вопрос: с чего начинается твоя вселенская «матрёшка»? С какой цифры? С нуля или с единицы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.